

© 2005 г. С. Г. ТАТЕВОСОВ

АКЦИОНАЛЬНОСТЬ: ТИПОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ*

В настоящей статье излагаются результаты межъязыкового исследования акциональности. Акциональность представляет собой семантическую характеристику, которая описывает глагольные предикаты естественного языка в таких терминах, как “стативность”, “динамичность”, “предельность” или “пунктуальность”. В статье показано, что акциональность представляет собой параметр межъязыкового варьирования, который допускает различные конфигурации в различных языках. Исследование проведено на материале кавказских, тюркских и уральских языков.

1. ВВЕДЕНИЕ

Недавно А. Кратцер разместила в интернете¹ предварительную версию первых глав своей книги “Событийный аргумент” [Kratzer 2003]. В этой книге сформулирована одна из самых амбициозных задач в области семантики языковых выражений, описывающих свойства ситуаций и их участников, которые когда-либо заявлялись. “Когда дети усваивают значение глагола, – пишет А. Кратцер [Kratzer 2003: 3], – они уясняют, какие состояния и события описывает этот глагол. Верно ли, что это все, что надо знать о значении глагола? Чтобы использовать глагол, мы должны знать, какого окружения он требует. Большинство глаголов имеет аргументы, некоторые обязательные, другие нет. Знаем ли мы, какие аргументы есть у глагола, если мы знаем его значение?.. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны различить значение собственно глагольных основ и то значение, которое привносит глагольное словоизменение”. В этой цитате две ключевые идеи.

Во-первых, актантная структура и аспектуальные характеристики глагола должны описываться и объясняться в рамках единой теории. Если событие определяется составом его участников и временным контуром, задающим изменения, происходящие с этими участниками, то и языковые выражения, которые это описывают, подлежат анализу в терминах одной теории, а не двух – теории аспектуальности и теории актантной структуры.

Во-вторых, конечным пунктом анализа являются не глагольные словоформы, рассматриваемые как отдельно, так и в составе синтаксических составляющих, и даже не глагольные лексемы, а глагольные основы, очищенные от семантических наслоений, которые создаются различными морфосинтаксическими средствами, в частности, показателями вида, времени, актантной деривации, залога и т.д. Определив, какую в точности информацию заключают в себе глагольные основы, иссле-

* Данные для настоящего исследования были собраны в течение ряда лет в рамках проектов полевых исследований языков народов России, проводившихся при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Автор глубоко признателен коллегам по этим проектам – Д.О. Иванову, М.Ю. Иванову, Е.А. Лютиковой, М.А. Майсаку, А.Г. Пазельской, О.В. Ханиной, А.Б. Шлуинскому – за плодотворные дискуссии и обсуждение материала, положенного в основу данной статьи. Особую благодарность хотелось бы высказать Е.В. Падучевой, обсуждение с которой предварительной версии статьи оказало автору неоценимую помощь.

¹ www.semanticsarchive.net

дователь получит возможность построить систему эксплицитных допущений о том, как эта информация взаимодействует со значением других составляющих словоформы и/или глагольной группы, а значит, в конечном итоге, создать последовательно композиционный анализ значения глаголов, глагольных предикатов и глагольных групп.

Судить, насколько эта программа близка к осуществлению и насколько успешны уже реализуемые в этой области проекты (например [Ramchand 2003; 2004]), не наша задача. В настоящей статье мы сформулируем одну частную проблему, решение которой необходимо для построения общей теории аспектуальности и актантной структуры. Давно известно, что актантная структура глагола не независима от его а к ц и о - н а л ь н о г о, или а с п е к т у а л ь н о г о к л а с с а². На то, что состав и свойства аргументов в значительной степени определяют акциональный контур описываемой глагольным предикатом ситуации и наоборот, указывают разнообразные имплицитивные отношения между одним и другим. Стативные глаголы, например, *знать*, *видеть* и *лежать* неагентивны [Dowty 1979]; неопредельные глаголы (вендлеровы *activities*), напротив, по преимуществу агентивны. Одноместные неагентивные глаголы, если не являются стативными, в подавляющем большинстве случаев предельны. Если аргумент находится в одно-однозначном отношении к событию, как в случаях типа 'есть яблоко' и 'пахать поле', то его референциальные свойства решающим образом влияют на предельность [Grifka 1989; 1992; 1998].

Связь акциональности и актантной структуры проявляется и в том, что существуют морфосинтаксические операции, которые воздействуют одновременно на актантную структуру глагольного предиката и на его акциональные характеристики. В карачаево-балкарском языке, например, акциональные характеристики глагола регулярно отличаются от характеристик его д е к а у з а т и в н о г о д е р и в а т а. Рассмотрим (1a–b):

(1) a. fatima	xali-ni	zirt-ti.	БАЛКАРСКИЙ
Фатима	нитка-ACC	рвать-PST	
1. <i>Фатима порвала нитку (за три секунды)</i>			
2. <i>Фатима рвала {т. е. пыталась порвать} нитку (десять минут, и ничего не вышло)</i>			
b. xali	zirt-i-l-di.		БАЛКАРСКИЙ
нитка	рвать-ST-DECAUS-PST		
1. <i>Нитка порвалась (за три секунды).</i>			
2. <i>*Нитка рвалась {т.е. была готова порваться} (десять минут, но все-таки выдержала нагрузку)</i>			

В (1a) представлен глагол 'рвать', который в форме Претерита допускает и предельную (1a.1) и неопредельную (1a.2) интерпретации³. Последняя предполагает, что в течение определенного времени агенс совершал некоторые действия (какие именно, глагол 'рвать' не уточняет – это может выясниться из контекста, а может и остаться за пределами сообщения), направленные на то, чтобы перевести нитку в результирующее состояние 'быть порванным'. Ситуация, однако, прекращается до того, как это состояние наступило, и нитка остается целой.

² В употреблении терминов "аспектуальный класс" и "акциональный класс", как и многих других терминов, обслуживающих эту область грамматики и семантики, не наблюдается единообразия. Лишь часть исследователей рассматривает их как синонимы. См. далее 1.1.

³ Говоря о предельности, мы имеем в виду аналог понятия "telicity", принятый в англоязычной литературе: предельными являются те глагольные предикаты, в значение которых входит указание на достижение естественного предела, после которого дальнейшее продолжение ситуации невозможно. См. подробнее 2.5.

Для декаузатива, образованного с помощью показателя *-l* в (1b), однако, есть только одна из этих двух акциональных возможностей. Непредельная интерпретация, при которой предполагается, что результат не достигнут, для (1b) невозможна. Налицо закономерность: устранение агенса из состава синтаксически реализованных аргументов глагола 'рвать' сопровождается исчезновением непредельной интерпретации – декаузативизация воздействует одновременно на актантную структуру и акциональную характеристику.

Все это предполагает, что общая теория призвана, среди прочего, объяснить, как акциональный класс предиката взаимодействует с его актантной структурой, а для этого она должна уметь правильно выделить инвентарь акциональных классов в исследуемом языке, объяснить, как членство в классе обусловлено более элементарными компонентами значения глагольной основы и как на это членство влияют те или иные морфосинтаксические средства. Как и любая лингвистическая теория, общая теория аспектуальности и актантной структуры должна отвечать на эти вопросы применительно к возможному естественному языку. Для этого нам необходимо знать, как минимум, какие акциональные классы возможны и какие невозможны в естественном языке. А для этого, далее, требуется типологически надежный способ выявить инвентарь акциональных классов в конкретных языках, обеспечить межъязыковую сопоставимость таких инвентарей и сделать межъязыковые обобщения, описывающие наблюдаемое межъязыковое варьирование и ограничения на это варьирование. Частичное решение этой проблемы предлагается в настоящей статье.

В разделе 2 мы сформулируем основные понятия – акциональность, акциональная характеристика, акциональный класс – опишем межъязыковую процедуру выделения акциональных классов и охарактеризуем основные акциональные значения. В разделе 3 представлены результаты изучения акциональности в трех генетически независимых языках – багвалинском, карачаево-балкарском и марийском. В этом разделе, в частности, охарактеризованы свойства основополагающих акциональных классов, которые представлены во всех трех (и, с большой вероятностью, в любых других) языках. Кроме того, будут сформулированы предварительные межъязыковые обобщения о структуре акциональных классов и о типологически стабильных свойствах этих классов. В заключительном разделе 4 подводятся краткие итоги и намечаются дальнейшие направления исследования.

2. АКЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ЛЕКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

2.1. Акциональность и межъязыковое варьирование

Акциональность, известная также как семантический тип предиката [Булыгина 1982], аспектуальный класс, Aktionsart, лексический вид [Comrie 1976], аспектуальный характер [Lyons 1977], тип ситуации [Smith 1991], тип события (eventuality type) [Bach 1986; Filip 1999], действие (action) [Bache 1995a; 1995b], положение дел [Dik 1989], таксономическая категория глагола [Падучева 1996], а также еще под несколькими названиями, – это семантическая характеристика, которая проявляется в различиях между предложениями типа английских (1)–(4):

- (1) John knows Russian.
Джон знает русский язык.
- (2) John walked in the garden.
Джон погулял в саду.
- (3) John ate an apple.
Джон съел яблоко.
- (4) John reached the summit.
Джон достиг вершины.

В то время как (1) описывает состояние, в любой момент остающееся неизменным, (2)–(4) предполагают изменение во времени, то есть описывают динамическую ситуацию⁴. Ситуации, которые вводятся в рассмотрение предложениями (3)–(4), имеют результирующее состояние, соответственно ‘яблоко съедено’ и ‘Джон находится на вершине’, и как только такое состояние достигнуто, ситуация завершается. Напротив, в предложениях (1)–(2) никакого результирующего состояния не предполагается. Далее, (3) и (4) различаются тем, что первое, но не второе допускает языковые выражения, которые вводят в рассмотрение промежуточные фазы ситуации. У (3) имеются фазы, о которых можно сказать *John is (now) eating an apple* ‘Джон (сейчас) ест яблоко’, но никакая фаза ситуации из (4) не может быть сопоставлена соответствующему выражению **John is (now) reaching the summit* ‘Джон (сейчас) достигает вершины’. Большинство семантистов согласно, что значения предложений (1)–(4) различаются, в частности, по параметру а к ц и о н а л ь н о с т и, и именно различия такого рода составляют главный предмет настоящего исследования.

В соответствии с классификацией З. Вендлера [Vendler 1957; 1967], предложения (1)–(4) представляют классы предикатов, которые он называет состояниями (states), деятельностью (activities), свершениями (accomplishments) и достижениями (achievements). Хотя у З. Вендлера был целый ряд предшественников, таких, например, как [Маслов 1948] и [Ryle 1949], которые внесли существенный вклад в изучение взаимодействия между аспектуальной семантикой и лексическим значением глагола, именно классификация Вендлера принимается в качестве отправного пункта в большинстве последующих исследований вида и акциональности, в частности в [Verkuyl 1972; 1989; 1993; 1999; Comrie 1976; Mourelatos 1978; 1981; Dowty 1979; 1991; Dahl 1981; 1985; Булыгина 1982; Bach 1986; Moens 1987; Moens, Steedman 1988; Krifka 1989; 1992; 1998; 2001; Parsons 1990; Smith 1991; 1995; 1996; 1999; Смит 1998; Bache 1995a; 1995b; Durst-Andersen 1992; 2000; Breu 1994; 1996; Filip 1994; 1997; 1999; Tenny 1994; Падучева 1996; 2004; Ramchand 2003; 2004; Rothstein 2004].

Подходы, практикуемые в этих работах, нередко существенно отличаются от исходных предложений З. Вендлера. Имеется существенное несогласие относительно того, следует ли рассматривать аспектуальный класс как лексическое свойство, каковы характеристические свойства различных классов, как классы соотносятся друг с другом, образуют ли они иерархию или выделяются полностью независимо друг от друга. Весьма существенны и терминологические расхождения: вероятно, едва ли есть другая область лексико-грамматических исследований, которая содержала бы такое количество различных обозначений для похожих или даже одинаковых сущностей. Таблица 1 описывает основные терминологические соответствия (часто лишь приблизительные) между различными теоретическими подходами.

Однако несмотря на многочисленные, в том числе и весьма существенные содержательные различия, исследования акциональности, проводившиеся после появления основополагающей статьи З. Вендлера [Vendler 1957; 1967], объединяет то, что практически все они атипологичны. Большинство теорий ничего не говорит, отличаются ли языки своими акциональными системами. Более того, обычное (часто имплицитное) допущение состоит в том, что исчисление, порождающее вендлеровы классы (или их модифицированный вариант), является логически универсальным и вследствие этого обладает своего рода иммунитетом от межъязыкового варьирования.

Соответственно, многие лингвисты полагают, что в каждом языке все множество предикатов распадается на классы, которые З. Вендлер установил для английского языка (возможно, с некоторыми модификациями). Это легко можно увидеть во многих частично-языковых исследованиях акциональности, например, в работах во второй

⁴ Мы следуем соглашению, предложенному Б. Комри [Comrie 1976], в соответствии с которым “ситуация” используется как покрывающий термин для обозначения состояний, событий, действий, процессов и т. п.

Акциональные единицы

Vendler 1957, 1967	states		activities	accomplishments	achievements		
Verkuyl 1972, 1993, 1999	+ADD TO		–ADD TO				
Comrie 1976	stative		dynamic				
			durative		punctual		
			atelic	telic			
Mourelatos 1978, 1981	states		occurrences				
			processes	events			
				developments	punctual occurrences		
Dowty 1979	momentary	interval					
		no change	change				
			indefinite	defninte			
				complex	singulary		
Булыгина 1982	качества	явления					
		статические явления	динамические явления				
			процессы		события		
			гомогенные процессы	тенденции/результаты ^a	происшествия		
Chung, Timberlake 1985	state	inception of state	atelic process	telic process			
Bache 1985, 1995a, 1995b	–actional ^b		+actional				
			simplex (vs. complex ^c)				
			durative		punctual		
			atelic		telic		
			directed	self-contained			
Moens 1987	states		processes	culminated processes	point	culminated point	
Bach 1986	states		non-states				
			processes	events			
	dynamic	static			protracted	momentaneous	
						happenings	culminations

Окончание

Dik 1989, 1994	situation (position/state)		event (action/process)			
			activity/dynamism		accomplishment/change ^d	
Smith 1991, 1995, 1996	states		events			
			activities		accomplish- ments	semel- factive
Durst-Andersen 1992, 2000	state		activity	action		
	stative		dynamic			
	simplex			complex		
Breu 1994	totally static	inceptively static	activity	gradually terminative	totally terminative	
Klein 1995	0-state	1-state		2-state		
Paducheva 1995 Падучева 1996	static		dynamic			
	atemporal properties	inherent states	nonterminative	terminative		
			(activities/atelic processes)	actions proper/telic processes	achievements/hap- penings	
Johanson 1996	non-transformative			transformative		
				fini-transformative (vs. initio-transformative ^e)		
	-dynamic		+dynamic	-momenta- neous	+momentaneous	
Filip 1999	так же, как в Bach 1986, с добавление α -квантованных предикатов ^f					
Ramchand 2003	v		(v) V	(v) V R ^g		

^a Особенность классификации Т.В. Булыгиной, обусловленная видовой системой русского языка, состоит в том, что единого класса, соответствующего классу accomplishments в других языках, не выделяется. Вместо этого имеется два класса – тенденции, одна из разновидностей процессов, и результаты, одна из разновидностей событий. К тенденциям относятся исключительно глаголы НСВ, описывающие процессы, которые завершаются результирующим состоянием, например, *делать*, а к результатам – парные им глаголы СВ, например, *сделать*, в семантику которых входит указание на достижение этого состояния. В языках со словозменительным видом (в частности, в английском) эти значения реализуются в пределах одной лексемы, и именно лексемы такого рода составляют класс accomplishments.

^b Класс [– акциональных] (–actional) ситуаций содержит не только стативные, но и хабитуальные ситуации.

^c Сложные (complex) ситуации – это ситуации, состоящие из многих или соотнесенных последовательно реализуемых подситуаций [Bache 1995a: 242]. Сложные ситуации не соответствуют ни одному из вендлеровых классов и по этой причине не включаются в Таблицу 1.

^d Деятельности (activities), достижения (accomplishments), динамизмы (dynamisms) и изменения (changes) далее подразделяются на [+моментальные] и [–моментальные] [Dik 1994: 29].

^e Начально-трансформативные глаголы (initio-transformatives) описывают и вхождение в состояние и само это состояние; они не соответствуют ни одному из вендлеровых классов.

^f альфа-квантованные предикаты – это предикаты, не специфицированные с точки зрения предельности; см. раздел 2.5.

^g В теории Дж. Рамчанд акциональные классы возникают как тривиальное следствие синтаксической конфигурации, которую данный глагол проецирует в лексическом синтаксисе [Hale, Keyser 1993; 2002]. Соответственно, единственная информация, которая должна быть приписана глаголу – это какие вершины имеет его глагольная группа. Всего таких вершин три – каузативная v, возглавляющая группу vP, процессная V, возглавляющая группу VP и результиративная R, возглавляющая группу RP.

части сборника [Bache et al. (eds.) 1994; Bergsland 1994]; ср. также относительно недавнее обсуждение индо-иранских и дравидийских языков в [Bhat 1999]. Как отметила К. Эберт [Ebert 1995: 186], “чаще всего предполагается, что глагол или глагольная группа (в исследуемом языке. – С.Т.) имеет такую же акциональную характеристику, как ее наиболее близкое английское соответствие”.

Теоретики, которые придерживаются композиционного подхода к виду и акциональности [Verkuyl 1972; 1993; 1999; Krifka 1989; 1992; 1998; 2001], предлагают формальные теории, в которых принимаются к рассмотрению свойства именных групп наряду со свойствами глаголов, и акциональность исчисляется композиционно для всей предикации (и/или) глагольной группы. Очевидное преимущество такого подхода состоит в том, что он предлагает ясное и последовательное объяснение того, как взаимодействует информация, заключенная в различных составляющих – глаголах, их аргументах, предложных/послеложных сирконстантах, результативных предикациях и т.д. Тем не менее эмпирическая база большинства композиционных исследований ограничена по большей части германскими, романскими и славянскими языками и несколькими работами по финно-угорским языкам. Обнаружив важные различия в аспектуальной и акциональной организации этих языков, приверженцы этого подхода пока не предпринимали широкомасштабного типологического исследования.

Межъязыковое сопоставление акциональных характеристик конкретных языков, однако, остро необходимо. В последующих разделах мы покажем, что акциональность представляет собой параметр, который допускает различные конфигурации в различных языках. Кроме того, мы предложим способ исследования частично-языковых акциональных систем, позволяющий получить типологические сопоставимые данные.

2.2. Акциональность как классификация

Определение акциональности применительно к конкретным языкам представлено в (5):

- (5) Акциональность (в данном языке) – это разбиение всего множества глаголов на непересекающиеся акциональные классы (далее – А-классы), которое задается множеством универсальных акциональных критериев (далее – АК-множеством).

Таблица 2

Разбиение на акциональные классы, задаваемое А-критериями $\{k_1; k_2\}$

	k_1	k_2
...		
know	+	+
...		
build	–	+
...		
reach	–	–
...		

Чтобы проиллюстрировать определение (5), рассмотрим АК-множество, состоящее ровно из двух критериев:

◇ k_1 : для всякого i , $G_i(p)$ может описывать состояние

◇ k_2 : существует i , такое что $G_i(p)$ описывает одну из промежуточных фаз ситуации (где p – глагол, G_i – глагольный грамматический показатель, а $G_i(p)$ – глагол p в комбинации с показателем G_i)

Неформально, критерии k_1 и k_2 – это варианты определения стативных и пунктивных глаголов (в смысле [Comrie 1976: 41–50]; для последних в русской традиции более принят термин “моментальные”). При условии, что понятия “описывать состояние” и “описывать одну из промежуточных фаз ситуации” сделаны достаточно эксплицитными, мы можем применить данные критерии ко всему множеству английских глаголов. После этого мы обнаружим, что это множество распадается на три класса, представленных матрицей в Таблице 2, где в качестве представителей классов даны глаголы *know* ‘знать’, *build* ‘строить’ и *reach* ‘достигать’. Любой другой глагол получит акциональную характеристику, относящую его в один из этих трех классов⁵.

Если изменить количество критериев или их формулировку, изменится и количество и состав выделяемых классов. Таким образом, определение (5) предполагает, что количество выделяемых классов, как и членство глагола в одном из них, решающим образом зависят от того, какие критерии включаются в АК-множество. Соответственно, идентификация акциональных классов требует эксплицитной процедуры отбора критериев и их оценки.

Никаких априорных ограничений на то, как может быть устроено АК-множество, по-видимому, нет. Единственное очевидное требование состоит в том, чтобы А-критерии не были определены на частно-языковых основаниях и были осмысленно применимы к материалу любого языка. Вводя критерии для АК-множества, мы исходим из того, что каждый из них представляет собой приписывание акционального семантического ярлыка.

(6) Пусть $M = \{m_1, m_2, \dots, m_k\}$ – множество акциональных семантических ярлыков. Тогда АК-множество содержит k критериев, каждый из которых имеет вид “Семантический ярлык m_i может быть приписан сущности, являющейся объектом акциональной классификации”.

Применяясь к множеству объектов классификации P , $P = \{p_1, p_2, \dots, p_n\}$, такие критерии порождают матрицу из k столбцов и n строк (например, такую, как представлена в Таблице 3). Матрица эквивалентна таблице (см. Таблицу 4), в которой строки по-прежнему заполнены объектами классификации, а единственный столбец содержит все ярлыки, которым соответствует клетка матрицы со значением “+”. Как показывают Таблицы 3 и 4, критерий m_i имеет положительное значение на объекте p_j , если соответствующий семантический ярлык может быть приписан этому объекту и отрицательное значение – в противном случае⁶.

Таблица 3

Пример акциональной классификации в форме матрицы

	m_1	m_2	...	m_k
P_1	+	–	...	+
P_2	–	+	...	+
...	...	...	...	...
P_n	–	–	...	+

⁵ Четвертая возможность, при которой критерий k_1 имеет положительное, а k_2 – отрицательное значение, очевидно, содержит в себе логическое противоречие и поэтому нереализуема: такая комбинация свойств означала бы, что любая форма глагола может описывать состояние, и при этом никакая – фазы этого состояния.

⁶ Если, например, $M = \{\text{СОСТОЯНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СВЕРШЕНИЕ, ДОСТИЖЕНИЕ}\}$, а определения каждого семантического ярлыка тождественны тем, которые ввел З. Вендлер [Vendler 1957; 1967] для своих аспектуальных классов, и семантические ярлыки применяются к глаголам английского языка, мы будем иметь в точности вендлерову классификацию.

Пример акциональной классификации в форме таблицы

	М
P ₁	m ₁ , ..., m _k
P ₂	m ₂ , ..., m _k
...	...
P _n	..., m _k

Таким образом, чтобы получить эксплицитную процедуру выделения акциональных классов, нам остается ответить на два принципиальных вопроса: с какими в точности объектами имеет дело акциональная классификация и каков набор акциональных семантических ярлыков, приписываемых этим объектам.

2.3. Чему приписываются акциональные ярлыки

И обсуждение во введении, и определение, данное в (6), предполагают, что объектами акциональной классификации являются глаголы. Это не значит, конечно, что акциональные характеристики не приложимы к другим языковым выражениям – предложениям, клаузам, глагольным группам и т.д. В языках существуют, например, такие глаголы, которые не являются ни предельными, ни непредельными – предельность возникает только на уровне глагольной группы и определяется свойствами внутреннего аргумента, как правило, пациенса. Таким является глагол *eat* ‘есть’ в английском языке: он неопределен в комбинации с неисчисляемым неопределенным именным аргументом – *He ate soup for ten minutes* || **in ten minutes* ‘Он ел суп десять минут || *за десять минут’ – и определен при наличии исчисляемого аргумента в единственном числе – *He ate an apple in ten minutes* || **for ten minutes* ‘Он съел яблоко за десять минут || *десять минут’ – см. 2.5.

Однако в свете задач, сформулированных во введении, нас интересует именно лексическая классификация глаголов. В частности, о лексических единицах типа *eat* мы хотим знать в точности то, что они относятся к классу глаголов, предельность которых определяется свойствами аргументов, и этим отличаются, например, от глаголов типа *push* ‘толкать’.

Казалось бы, самый очевидный способ добиться желаемого разбиения глаголов на классы – приписывать А-критерии непосредственно глагольным лексемам. Именно так, собственно, и поступало большинство аспектологов начиная с З. Вендлера.

Однако в этом месте мы сталкиваемся с проблемой: будучи единицами словаря, глагольные лексемы абстрактны и не доступны для непосредственного наблюдения (см. [Zucchi 1999; Kratzer 2003]). То, что мы наблюдаем, – это глаголы в употреблении, когда они представлены конкретными словоформами, в состав которых входят, кроме собственно глагола, разнообразные грамматические показатели.

Например, рассматривая (7a), мы видим не то, что глагол *love* ‘любить’ является стативным, а то, что форма Simple Past этого глагола описывает состояние. Аналогично, в (7b), можем лишь утверждать, что форма Simple Present глагола *love* ‘любить’, а не сам этот глагол, является стативным.

(7) a. John loved Mary for many years.

Джон любил Мэри многие годы.

b. John loves Mary for many years.

Джон любит Мэри многие годы.

В (7a–b) обе формы имеют одинаковую акциональную характеристику (так же ведут себя, впрочем, и другие формы этого глагола), поэтому утверждение, что глагол *love* ‘любить’ как таковой является стативным, не создает никаких эмпирических затруднений. Обобщив эту процедуру, мы могли бы утверждать, что А-критерий k_1 принимает на глаголе положительное значение тогда и только тогда, когда он принимает такое значение на всех его грамматических формах (ср. формулировку критерия k_1 в 2.2). Однако это обобщение не работает в том случае, если акциональные характеристики разных форм одного и того же глагола оказываются различными. Рассмотрим (8) из багвалинского языка.

- (8) *ʔali-la* *helali* *pat'imat*.
 Али-DAT любить. PST Патимат
 1. *Али полюбил Патимат.*
 2. **Али любил Патимат.*

(8) показывает, что глагол *helali* ‘полюбить, любить’ в форме Претерита описывает изменение состояния (‘не любить’ → ‘любить’). В отличие от своего аналога в английском языке, Претерит глагола *helali* не допускает стативной интерпретации, которая соответствовала бы (7a). В то же время Презенс *helali* ‘любить’ в (9), как и *loves* в английском языке, описывает именно состояние:

- (9) *ʔali-la* *hel-ā-X* *ek'a* *pat'imat*.
 Али-DAT любить-IPFV-CONV AUX. PRS Патимат
 Али любит Патимат.

В английском языке акциональные характеристики разных грамматических форм одного и того же глагола также могут различаться. (10a–b) показывают, что форма Simple Past глагола *believe* ‘верить’, который обычно рассматривается как стативный, допускает как стативную, так и инхоативную интерпретации:

- (10) a. *Macbeth believed in ghosts for years.*
 Макбет верил в призраков многие годы.
 b. *Macbeth believed in ghosts when he saw Banquo [Smith 1983: 487].*
 Макбет поверил в призраков, когда увидел Банко.

В отличие от (10a), в (10b) форма Simple Past описывает не состояние, а вхождение в состояние, переход от состояния ‘не верить’ к состоянию ‘верить’ – то же самое происходит и с багвалинским Претеритом в (8). Таким образом, Simple Past глагола *believe* ‘верить’, представленный в (10a) и (10b), имеет две разные акциональные характеристики. С другой стороны, форма Simple Present глагола *believe*, представленная в (11), не может описывать никакую другую ситуацию, кроме стативной.

- (11) *Macbeth believes in ghosts.*
 Макбет верит в призраков.

(10)–(11) показывают, что в английском языке имеются акциональные расхождения между комбинациями различных грамматических показателей с одним и тем же глаголом, хотя и несколько отличные от тех, которые представлены в (8)–(9) с багвалинским глаголом *helali*. В багвалинском языке близким акциональным аналогом глагола *believe* является глагол *b-iḫi* ‘обрадоваться, радоваться’:

- (12) a. *maḥammad* *b-iḫi*.
 Магомед N-радоваться. PST
 1. *Магомед радовался (в течение какого-то времени).*
 2. *Магомед обрадовался.*

Как видно из (12a–b), Презенс глагола *b-iḤi* ‘обрадоваться, радоваться’ в точности соответствует презенсу глагола *helali* ‘поллюбить, любить’, однако Претерит отличается: он может описывать не только вхождение в состояние ‘радоваться’, но и само это состояние – диапазон интерпретаций аналогичен наблюдаемому у глагола *believe* в (10)–(11)⁷.

Если принять во внимание примеры типа (8)–(12), неминуемо возникает вопрос: как охарактеризовать акциональные свойства глаголов типа *helali* и *believe/b-iḤi*? Если каждый акциональный критерий – это приписывание акционального семантического ярлыка, то какие ярлыки должны быть приписаны этим глаголам? Ярлыки, характеризующие их как глаголы состояния или как глаголы вхождения в состояние? Возможна ли вообще их однозначная акциональная характеристика? Ответить на эти вопросы можно по-разному.

Во-первых, глаголам типа *helali* и *believe/b-iḤi* можно приписать два акциональных ярлыка, назовем их ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ и СОСТОЯНИЕ (подробнее об акциональных значениях и акциональных ярлыках см. ниже, в 2.5). (Некоторые авторы прямо говорят об “акциональной гибридности” таких глаголов, см., например [Bertinetto 1986; 1994; Bertinetto, Delfitto 2000].) Проблема с таким анализом, однако, состоит в том, что оба глагола получают одинаковую акциональную характеристику, в которой не будет отражено важное отличие глаголов типа *helali* от глаголов типа *believe/b-iḤi* – то, что последние, но не первые допускают стативную интерпретацию в комбинации с показателем прошедшего времени, ср. (8) и (10). Более того, этот анализ не будет отражать тот факт, что инхоативное и стативное значения в (8)–(9) распределены между двумя аспектуально различными грамматическими показателями.

Во-вторых, можно допустить, что одна из интерпретаций, доступных для предложений в (8)–(12) является основной, а вторая возникает по определенным правилам под влиянием определенных характеристик грамматического и/или лексического контекста. Соответственно, глаголу будет приписан какой-то один семантический ярлык, а другое прочтение будет обеспечено правилами, определяющими соотношение между основной и производной акциональной характеристиками. Теория такого типа предложена, например, К. Смит [Smith 1991; 1995], которая выделяет ситуационные типы (=акциональные классы) на “базовом” и “производном” уровнях. Ситуационный тип производного уровня выводится из ситуационного типа базового уровня при помощи правила композиции, которое запускается при несовпадении заданных признаков. Различие между основными и производными таксономическими категориями проводится также Е.В. Падучевой [Падучева 1996; Paducheva 1995].

При такой системе допущений, однако, описанная выше проблема остается. Можно утверждать, что различие между *helali* и *believe* объясняется различием правил композиции для английского и багвалинского языков. Но независимо от того, какое акциональное значение рассматривается как основное – СОСТОЯНИЕ или ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, – различие между глаголами *helali* и *b-iḤi*, существующее в н у т р и одного языка, невозможно сделать видимым, если глаголу приписывается лишь

⁷ Глаголы типа *believe* в английском языке и *b-iḤi* в багвалинском языке отличаются сравнительной предпочтительностью доступных интерпретаций. Немаркированной интерпретацией *believe* является стативная, в то время как инхоативная достигается при наличии специальных условий, например, временного зависимого предложения [Smith 1983: 485]. Напротив, для *b-iḤi* и подобных ему глаголов в багвалинском языке немаркированной является инхоативная интерпретация, тогда как стативное прочтение возникает, например, в контексте обстоятельств длительности типа ‘много лет’.

одно из этих значений. Если оба глагола анализировать как стативные, невозможно объяснить, почему только один из них приобретает инхоативное значение в Претерите. Если оба рассматривать как динамические, описывающие переход в новое состояние, неясно, как вывести стативное значение для Претерита *b-iĪi*, не получив такой же результат и для Претерита *helali*.

Таким образом, наилучшей представляется третья возможность: критерии, включаемые в АК-множество, должны содержать эксплицитное указание на то, к каким грамматическим формам глагола они применяются. При таком подходе критерии типа “Глаголу приписывается семантический ярлык СОСТОЯНИЕ” являются недопустимыми; вместо этого следует использовать критерии вида “Имперфективной форме глагола приписывается семантический ярлык СОСТОЯНИЕ”. В результате различие между глаголами типа *helali* и *b-iĪi* делается видимым, как представлено в таблице 5.

Таблица 5

Семантические ярлыки, приписываемые комбинациям глагола и грамматического показателя в багвалинском языке (*helali* ‘любить’ и *b-iĪi* ‘радоваться’)

Глагол	Толкование	Акциональный ярлык для Претерита	Акциональный ярлык для Презенса
...			
<i>helali</i>	любить	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ	СОСТОЯНИЕ
...			
<i>b-iĪi</i>	радоваться	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ	СОСТОЯНИЕ
...			

Соответственно, акциональная характеристика глагола представляет собой не единственный семантический ярлык и даже не множество семантических ярлыков, а множество множеств семантических ярлыков, в котором каждый элемент этого множества соответствует комбинации глагола с грамматическим показателем.

Когда ровно две грамматические формы признаются релевантными для акциональной классификации, как это имеет место в таблице 5, акциональная характеристика глагола представляет собой пару множеств, как представлено в (13), где первое множество ярлыков описывает акциональное значение Претерита, а второе множество – значение Презенса:

- (13) *b-iĪi* ‘радоваться’: <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}>
helali ‘любить’: <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}>

Различие между глаголами *helali* и *b-iĪi* нельзя предсказать исходя из значения грамматических показателей и/или из свойств дискурсивного контекста, и, таким образом, его следует интерпретировать как акциональное различие в собственном смысле, и относить эти глаголы к разным классам, как и предполагает (13).

2.4. Ограничения на частно-языковые грамматические показатели

Таблица 5 имеет очевидный дефект: заголовки столбцов содержат названия частно-языковых показателей, а это означает, что после исследования языковой выборки мы получаем набор частно-языковых акциональных классификаций, несравнимых друг с другом. Эту слабость можно преодолеть, наложив следующее дополни-

тельное условие на грамматические показатели, выбираемые для исследования в каждом конкретном языке:

- (14) Семантические ярлыки приписываются тем частно-языковым грамматическим показателям, которые являются реализацией универсальных категориальных типов (universal gram types).

Универсальный категориальный тип – понятие, введенное в рамках так называемого подхода Байби-Даля к типологии грамматических показателей [Bybee 1985; Dahl 1985; Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 1994; Dahl 2000]. “Видо-временные грамматические показатели, – пишет Э. Даль [Dahl 2000: 5], – типологически группируются в относительно небольшое число классов. Релевантная единица теории универсальной грамматики – это, таким образом, универсальный категориальный тип (crosslinguistic gram type), манифестациями которого являются грамматические показатели в конкретных языках. Категориальные типы... представляют собой статистически наиболее вероятные кластеры свойств в “грамматическом пространстве”, или, иначе, относительно стабильные точки на путях развития, которые грамматические показатели достигают в процессе диахронической эволюции... Важно, что категориальный тип – это не только понятие, концепт или значение, но... и типичное средство выражения, ...непосредственно отражающее проходимую им стадию процесса грамматикализации”.

Приведем пример. В значительном количестве языков мира имеются глагольные формы, семантика и дистрибуция которых аналогична английскому перфекту и которые сходны не только семантически, но и морфосинтаксически – они обычно являются аналитическими и содержат нефинитную форму смыслового глагола и стивный вспомогательный глагол со значением ‘быть’ или ‘иметь’. (Индоевропейский перфект, образуемый редупликацией, в этом отношении является редким исключением.) Сходство семантики и формы невозможно объяснить простым совпадением. Напротив, естественно предположить, что в языке существует ограниченный универсальный набор смыслов, которые с высокой вероятностью получают грамматическое выражение. Более того, как сами эти смыслы, так и их морфосинтаксические носители в процессе диахронического развития изменяются не произвольным образом, а подчиняются жестким ограничениям (см. подробнее [Bybee et al. 1994]): комбинация перфективной нефинитной формы и вспомогательного глагола начинает как результатив (см. [Недялков, Яхонтов 1983]), затем достигает стадии перфекта, а после может превратиться в показатель перфективного вида и/или прошедшего времени. Все это дает основание говорить о наличии в универсальной грамматике теоретического конструкта под названием универсальный категориальный тип ПЕРФЕКТ, который обладает определенными семантическими характеристиками и определенным способом выражения, а перфекты в конкретных языках рассматривать в качестве его манифестации. Такая система допущения объясняет, по крайней мере на интуитивном уровне, и то, что видо-временные системы конкретных языков не являются бесконечно многообразными, и то, что перфекты в разных языках обладают сходной семантикой и дистрибуцией, и то, что они имеют сходный потенциал диахронического развития.

Как только ограничение (14) будет соблюдено, препятствия для межъязыкового сравнения акциональных свойств глаголов исчезнут. Например, Simple Past в английском языке и Претерит в багвалинском языке являются манифестациями универсального категориального типа PAST (см. [Dahl 1985]), а значит акциональные свойства глаголов в этих языках можно представить совместно, как это сделано в Таблице 6. Такое представление не только делает наблюдаемым отношения между различными глаголами в одном языке, но и позволяет увидеть сходства и различия глаголов в разных языках. Оно показывает, например, что акциональные свойства английского глагола *believe* в точности соответствуют свойствам багвалинского глагола *b-iX̃i*, в то время как *love* существенно отличается от *helali*, несмотря на то, что эти глаголы являются лексическими эквивалентами.

Семантические ярлыки, приписанные манифестациям универсальных категориальных типов

Язык	Глагол	Значение	Акциональный ярлык для PAST	...
Багвалин-ский	<i>b-iX̄i</i>	радоваться	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ	...
	<i>helali</i>	любить	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ	...
	...	...	...	...
Англий-ский	<i>love</i>	любить	СОСТОЯНИЕ	...
	<i>believe</i>	верить	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ	...
	...	...	...	...
...	...	...	...	...

Таким образом, только те частно-языковые грамматические показатели, которые манифестируют универсальные категориальные типы, следует принять к рассмотрению при типологическом исследовании акциональности.

Принимая во внимание эти соображения, мы выбрали ровно два грамматических показателя в каждом из рассмотренных языков, один перфективный и один имперфективный. Частно-языковые грамматические показатели, которые относятся к перфективной сфере, манифестируют один из двух универсальных категориальных типов – PERFECTIVE или PAST. Частно-языковые грамматические показатели имперфективного ряда, описывающие длящиеся ситуации, манифестируют либо PROGRESSIVE, либо IMPERFECTIVE (или, как частный случай – IMPERFECTIVE, ограниченный временной референцией к настоящему, то есть PRESENT).

2.5. Акциональные значения

В предыдущем разделе мы уже применяли два акциональных семантических ярлыка – СОСТОЯНИЕ и ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ. Кроме них, используемый в настоящем исследовании инвентарь акциональных семантических ярлыков и, соответственно, список акциональных значений, содержит ПРОЦЕСС, ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС и МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС. Охарактеризуем кратко все пять значений⁸.

СОСТОЯНИЕ – ситуация, которая не претерпевает изменений с течением времени [Dik 1994] и не требует постоянного притока энергии для своего продолжения [Comrie 1976: 49]. Предложения, описывающие состояния, обладают свойством подынтервала [Bennett, Partee 1978; Taylor 1977; Desclés, Guentchéva 1995], или условием плотности [Lenci 1995; Bertinetto 1994].

- (15) Предложение обладает свойством подынтервала, если всякий раз, когда оно истинно на временном интервале I, оно истинно и на любом подынтервале I.

⁸ Естественный вопрос, который возникает в связи с этим инвентарем: почему акциональных значений именно столько? Является ли их инвентарь закрытым? Могут ли к нему добавляться новые значения? Ответ, принимаемый в настоящем исследовании, состоит в том, что этот инвентарь не является ни минимальным, ни исчерпывающим. Он содержит акциональные значения, которые обнаруживаются в уже проведенных частно-языковых исследованиях акциональности. Но, как было замечено выше, мы не считаем, что какая-либо акциональная классификация может иметь статус логически универсальной, поэтому, если последующие исследования обнаружат акциональные значения, неучтенные до сих пор, эти значения будут включены в список.

Если, например, верно, что Вася сидел в кресле с 12:00 до 14:00 29 июля 1999 года, то, очевидно, верно и то, что он сидел в кресле с 13:33 до 13:45 того же дня.

Тот, кто является приверженцем семантики событий [Bach 1981; 1986; Krifka 1989; 1992; Vikner 1994; Parsons 1990; Katz 1995; Filip 1999; Rothstein 2004], указывают, что предикаты, обозначающие состояния, обладают свойствами аддитивности и подразделимости. Предикат обладает свойством аддитивности тогда и только тогда, когда выполняется условие: если этот предикат выполняется для сущностей x и x' , то он выполняется и для сущности $x \oplus x'$, являющейся мереологической суммой x и x' ⁹. Предикат обладает свойством подразделимости, если любая часть сущности, описываемой данным предикатом, описывается этим же предикатом.

Эти два свойства равно применимы и к именным и к глагольным предикатам. Неисчисляемые совокупности типа 'вода', например, аддитивны и подразделимы. Действительно, если две порции воды слить в общую емкость, получившаяся совокупность также будет водой. Точно так же, если ситуация e описывается предикатом *стоять* и ситуация e' описывается этим предикатом, то к двум этим ситуациям вместе предикат *стоять* также применим. С другой стороны, если от любого количества воды отлить часть, эта часть также будет представлять собой воду. Аналогично, любая часть ситуации 'спать' также является ситуацией 'спать'.

Аргументы предикатов, описывающих состояния, неагентивны [Dowty 1979; Chung, Timberlake 1985].

Разграничение СОСТОЯНИЯ и ПРОЦЕССА – вопрос, вызывавший среди семантистов противоречия и споры. Интуитивно ПРОЦЕСС, в отличие от состояния, представляет собой ситуацию динамическую, предполагает изменение во времени и, по удачному наблюдению Б. Комри [Comrie 1976], требует притока энергии для своего осуществления. Более строго разграничить процессы и состояния, однако, довольно трудно – многие исследователи [Bach 1986; Filip 1999; Kratzer 2000] попросту рассматривают противопоставление процессов и состояний как онтологическое, то есть несводимое ни к каким более элементарным противопоставлениям.

В настоящей работе мы руководствуемся следующими практическими соображениями. Во-первых, процессы, как и состояния, аддитивны (см. также [Dowty 1979; Smith 1983; Vikner 1994; Rothstein 2004]). Для состояния 'спать', например, верно, что если ситуация e описывается предикатом *спать* и ситуация e' описывается предикатом *спать*, то и обе ситуации вместе ($e \oplus e'$) описываются предикатом *спать*. То же самое верно и для процессов, например, 'гулять': если об e можно сказать *гулял* и об e' можно сказать *гулял*, то и об $e \oplus e'$ можно сказать то же самое.

Во-вторых, процессы регулярно отличаются от состояний отсутствием строгой подразделимости. Имея дело, например, с состоянием 'сидеть', мы можем взять сколь угодно малую его часть, и все равно это будет состояние 'сидеть'. Иначе обстоит дело с процессом 'ходить': начиная с некоторой величины описываемые ситуации не входят в означаемое предиката *ходить*. Если человек сделал по комнате пятьдесят шагов, о нем можно сказать *Он ходил по комнате*. Последовательность из сорока, тридцати, ..., пяти шагов является частью последовательности в пятьдесят шагов, и о каждой из этих последовательностей можно сказать *Он ходил по комнате*, поэтому предикат *ходить* подразделим. Однако, когда мы дойдем до части последовательности размером в один шаг, обнаружится, что эта часть уже не входит в означаемое *ходить*: о человеке, который сделал всего один шаг, нельзя сказать *Он ходил* (см. [Taylor 1977; Dowty 1979]). Тем более невозможно применить *ходить* к ситуации, которая меньше, чем один шаг, например, к отрыву ноги от земли. В этом смысле *ходить* не

⁹ Здесь и далее используется следующая нотация для обозначения мереологических понятий. Символ " $\oplus$ " обозначает оператор суммы, образующий из двух индивидов суммарный индивид; символ " $\leq$ " обозначает отношение "быть частью", а символ "<" – отношение "быть собственной частью". Определение этих понятий см., например, в [Krifka 1992].

является строго подразделимым: процесс нельзя дробить на части до бесконечности; рано или поздно мы дойдем до минимального, элементарного кванта процесса. Структурными аналогами процессов в сфере именной референции являются неопределенные множественные именные предикаты типа *яблоки* (в языках с артиклями им соответствуют именные группы с показателем неопределенности, например, с нулевым артиклем в английском языке: *apples* 'яблоки'): они аддитивны (если перед нами две кучи яблок, то обе вместе можно обозначить как *яблоки*) и подразделимы до достижения уровня отдельных яблок (если от кучи яблок отделить часть, это по-прежнему будут яблоки при условии, что их больше одного).

Отсутствие строгой подразделимости, однако, не может служить единственным критерием демаркации состояний и процессов. Существуют ситуации, которые являются строго подразделимыми, однако отнесение их к состояниям явно противоречит интуиции. Среди часто упоминаемых глаголов, описывающих ситуации этого типа (в [Taylor 1977] обозначены как гомогенные процессы, в противоположность гетерогенным), – глаголы неагентивного перемещения в пространстве, как, например, *двигаться* в русском языке. Эти глаголы характеризуются тем, что выделение минимальной части описываемой ситуации невозможно, практически так же, как это имеет место для состояний. Тем не менее, очевидно, что *двигаться* или *падать* состоянием не является – хотя бы потому, что с течением времени меняются пространственные координаты участника. Б. Тэйлор [Taylor 1977] предложил придать идее изменения следующий смысл: чтобы понять, меняется что-то или нет, недостаточно рассмотреть единственный момент времени. Если мы возьмем мгновенный временной срез движения, например, вырежем кадр из киноплёнки, собственно движения мы не увидим – все предметы будут покоиться. Чтобы оценить, имеются ли какие-либо изменения, требуется по меньшей мере сравнить положение вещей в два разных момента времени. Это в полной мере приложимо к предикатам типа *двигаться*: оценить истинность высказывания типа *Машина двигалась по дороге* невозможно, если рассмотреть единственную точку на временной оси; предложения такого рода являются осмысленными применительно к ненулевым временным интервалам. Этим предикаты типа *двигаться* отличаются от предикатов типа *находиться в Нью-Йорке*: последние образуют пропозиции, истинность которых может быть оценена и применительно к точечному моменту времени.

Для подавляющего большинства глаголов такой подход дает интуитивно удовлетворительный результат, который, более того, экстенционально эквивалентен неформальному определению в терминах изменения количества энергии, данному Б. Комри. В самом деле, предъявить предикат, описывающий ситуацию, при осуществлении которой расходуется/накапливается энергия и который при этом является истинным в точке, вряд ли возможно. Обратное, по всей видимости, не существует и ситуаций, для оценки истинности которых необходим интервал, но которые при этом не предполагают изменения энергии.

Акциональный ярлык ПРОЦЕСС, таким образом, соответствует вендлеровым “деятельностям” [Vendler 1957; 1967], динамическим дуративным неопредельным ситуациям [Comrie 1976], “процессам” в [Moens 1987], а также объединяет деятельности (процессы неопредельные) у Е.В. Падучевой [Падучева 1996] (см. Таблицу 1).

Подведем первый итог. ПРОЦЕСС, как он определен выше, и СОСТОЯНИЕ объединяет отсутствие указания на достижение предела: осуществление описываемой ситуации не предполагает, что ее участники претерпевают какие-либо качественные изменения, переходят в новое состояние или начинают участвовать в новом процессе. Характерологическим свойством неопредельных предикатов является аддитивность; этим свойством в равной степени обладают и состояния и процессы. Кроме того, и состояния и процессы обладают подразделимостью – первые в строгом смысле, вторые, в большинстве своем, – до выделения минимального кванта ситуации. В этом отношении неопредельные глагольные предикаты в точности соответствуют двум классам именных предикатов – неопределенным множественным и неисчисляемым.

Непредельным предикатам противопоставлены предельные. Как известно, содержательно вторые отличаются от первых тем, что описываемая ситуация рано или поздно неминуемо завершается к у л ь м и н а ц и е й, при которой с одним из участников происходят качественные изменения. Например, состояние *стоять* может длиться, вообще говоря, неограниченно долго – в нем самом не заключено ничего такого, что требует его непременно прекращения в какой-то момент. Напротив, ситуация *таять* рано или поздно с необходимостью завершается – в тот момент, когда вся масса тающей субстанции переходит в новое агрегатное состояние. В этом смысле о завершении ситуации ‘таять’, описываемом, например, формой *растаял*, часто говорят как о естественном пределе, а о завершении состояния ‘спать’ в случае *поспал* – как о произвольном пределе.

Предельные глагольные предикаты обладают свойствами, противоположными свойствам непредельных предикатов, – неаддитивностью и неподразделимостью¹⁰. Предельные предикаты, как и непредельные, имеют аналоги в именной сфере – исчисляемые именные предикаты в единственном числе и определенные множественные именные предикаты (которым в языках с артиклями соответствуют ИГ с показателем определенности, например, с артиклем *the* в английском языке – *the apples* ‘яблоки’). Неаддитивность и для именных, и для глагольных предикатов означает, что из двух сущностей нельзя составить одну: яблоко плюс яблоко – это два яблока, и этот объект нельзя обозначить словом *яблоко*. Точно так же два события ‘написать письмо’ в сумме не образуют события ‘написать письмо’, а образуют событие ‘написать письмо дважды’ или ‘написать два письма’. Аналогично, неподразделимость распространяется как на именные, так и на глагольные предикаты: никакая часть яблока не является яблоком, и никакая часть события ‘написать письмо’ не является событием ‘написать письмо’.

В терминах темпоральной семантики данную характеристику можно сформулировать как свойство антиподынтервала. Предложение имеет свойство антиподынтервала в том и только в том случае, если всякий раз, когда оно истинно на интервале I, оно ложно на любом подынтервале I. Например, пусть в два часа Вася сел писать письмо, в три часа закончил его, и эта ситуация описывается предложением *Вася написал письмо*. Применительно к происходящему на любом интервале, вложенном в интервал [2 часа, 3 часа], данное высказывание будет ложным.

Подобно тому как непредельные предикаты подразделяются на СОСТОЯНИЯ и ПРОЦЕССЫ, предельные предикаты распадаются на две группы – предикаты со значением ВХОЖДЕНИЯ в СОСТОЯНИЕ и со значением ВХОЖДЕНИЯ в ПРОЦЕСС¹¹. Например, глагол *заснул* и его аналоги в других языках описывают ВХОЖДЕНИЕ в СОСТОЯНИЕ, а глагол *закончил* – ВХОЖДЕНИЕ в ПРОЦЕСС. (В.П. Недеялков [Недеялков 1987] использует для обозначения этих понятий термины инхоатив, инцептив и ингрессив.)

Предельность и непредельность разграничиваются с помощью теста на сочетаемость с обстоятельствами длительности, типа русских *за два часа* в *Вася написал экзаменационное сочинение за два часа* и *два часа* в *Вася проспал два часа*.

Отдельное акциональное значение – МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС (о понятии мультипликатива см. [Храковский 1986; 1989; Dolinina 1999]: ситуация многократно повторяется с одним и тем же набором участников, но занимает при этом один

¹⁰ В модельно-теоретической семантике свойство неподразделимости также известно как квантованность.

¹¹ Эти два класса часто не различаются. На необходимость развести входжение в состояние и входжение в процесс указывает, однако, К. Эберт [Ebert 1995: 190–191], комментируя данные языка лимбу: “Некоторые глаголы в лимбу имеют начальную трансформацию (= входжение в состояние. – С.Т.), которая приводит к новой ситуации, описываемой тем же глаголом. Эта ситуация может быть состоянием, и в этом случае мы имеем инхоативно-стативный глагол, или процессом, и в этом случае мы имеем инхоативно-динамический глагол. Последний тип глаголов обычно не принимается к рассмотрению аспектологами”.

промежуток времени и рассматривается как единое целое. В существующих акциональных классификациях ближайшими аналогами мультипликативных процессов являются, по всей видимости, *серии* Бринтона и сложные предикаты в [Bache 1995a].

В русском языке мультипликативный процесс описывается, например, предложением *Вася покашлял*. Мультипликативные процессы противопоставлены, с одной стороны, “обычным” процессам типа *Вася погулял*, в которых не выделяется одинаковых повторяющихся составных частей. С другой стороны, мультипликативные процессы следует отличать от дистрибутивов и итеративов¹², которые представляют собой две другие разновидности того, что принято называть глагольной множественностью.

В отличие от мультипликативов, дистрибутивы предполагают, что каждая элементарная ситуация повторяется с разным набором участников, как, например, в предложении *Иван побросал камни в воду*, где на каждый бросок приходится свой собственный камень или набор камней, или в предложении *Дети разбежались*, в котором предполагается, что имеется по меньшей мере две группы детей (возможно, каждая состоит из единственного ребенка) и с каждой из них связана отдельная траектория перемещения (ср. *Дети разбежались в зоопарк*, где предполагается единственная траектория). Итеративы предполагают, что с каждой из повторяющихся ситуаций связан отдельный временной интервал, то есть что в действительности мы имеем дело с множественной ситуацией, а не с единой, пусть и внутренне сложно организованной, ситуацией – ср., например, *В это кафе Штирлиц приходил в течение двух месяцев*.

Из этих трех понятий только мультипликативность, как кажется, регулярно выступает в языках мира как лексическая характеристика глагола. Итеративную интерпретацию с необходимостью имеют все хабитуальные предложения (исключая те, которые содержат предикаты индивидного уровня [Krifka et al. 1995]). Итеративность, иными словами, возникает у любого глагола независимо от его акционального класса в комбинации с грамматической морфемой, выражающей (возможно, наряду с другими) хабитуальное значение; так что итеративность скорее принадлежит к собственно аспектуальной, чем к акциональной семантической сфере.

Дистрибутивность, с другой стороны, в большинстве языков чаще всего не является компонентом лексического значения глагола, а зависит от свойств аргументов. Дистрибутивная интерпретация, если не принимать в расчет единичных исключений (например, предикатов типа *собираться* в русском языке), возможна всегда, когда предикат имеет множественный аргумент. Например, *Мальчики пришли* может иметь коллективную интерпретацию, предполагающую единичное событие и группу мальчиков, которые прибыли к пункту назначения одновременно, но это предложение совместимо и с дистрибутивной интерпретацией, при которой имеется множество событий ‘прийти’ и каждое событие связано с подмножеством мальчиков, в предельном случае – с единственным мальчиком.

В отличие от дистрибутивности и итеративности, мультипликативность – лексическое свойство глагола. Во-первых, в отличие от итеративности, когда различные аспектуальные формы глагола характеризуются наличием/отсутствием итеративной интерпретации (ср. *Он пил вино каждый день* и **Он выпил вино каждый день*) и этот контраст наблюдается у подавляющего большинства глаголов, мультипликативность ограничена небольшим, а возможно, и закрытым классом глаголов типа *кашлять*, *капать*, *мигать*. Аспектуальные формы таких предикатов в большинстве языков не противопоставлены по мультипликативности: в английском языке, например, глагол *cough* ‘кашлять’ допускает мультипликативное прочтение во всех основных аспектуальных формах (*coughed*, *coughs*, *is coughing*). В отличие от дистрибутивности, мульт-

¹² Часто, впрочем, термин итеративность используется в значительно более широком смысле и описывает любые итерации описываемых событий.

типликативность не зависит от свойств аргументов и оказывается в равной степени доступной с любой ИГ – как с единичным референтом, так и с множественным.

Основная практическая проблема состоит в том, что во многих контекстах развести мультипликативность и итеративность затруднительно. Вопрос о том, имеем ли мы дело с единичной ситуацией, состоящей из многих идентичных частей, или с множеством ситуаций, каждая из которых является атомарной и не поддается дальнейшему членению на подситуации, не всегда имеет ясный ответ.

Интуитивно мы склонны интерпретировать (16a) как мультипликатив, а (16b) – как итератив:

- (16) a. He coughed for two minutes.
Он кашлял две минуты.
b. John visited this pub for two years.
Джон (многие) годы посещал этот паб.

Имеются, однако, и случаи типа (17):

- (17) a. She played this sonata for three minutes.
Она играла эту сонату три минуты.
b. She played this sonata for three hours.
Она играла эту сонату три часа.
c. She played this sonata for three days.
Она играла эту сонату три дня.
d. She played this sonata for three months.
Она играла эту сонату три месяца.

При наличии обстоятельства ‘в течение трех минут’ в (17a) предпочтительная, а может быть, и единственно возможная интерпретация – единичная ситуация. В контексте обстоятельства ‘в течение трех часов’ предложение описывает либо единичную ситуацию (что менее вероятно – исполнение сонаты обычно не занимает трех часов), либо множество повторяющихся в течение трех часов ситуаций (что более вероятно). В контексте обстоятельств ‘в течение трех дней’ и ‘в течение трех месяцев’ допускается только множественная интерпретация. В тех случаях, когда, как в (17b–d), вводится в рассмотрение множество ситуаций, имеем ли мы дело с мультипликативностью или итеративностью? Возможно ли, что (17b–d) отличаются с этой точки зрения – в каких-то случаях итеративная множественность, а в каких-то дистрибутивная? Если (17b), например, – это мультипликатив, то отличается ли он (а если да, то чем именно) от (17c)?

Аналогичная проблема существует и в русском языке. С одной стороны, большинство русских перфективных глаголов не допускают итеративного прочтения даже в контексте соответствующих обстоятельств. Для таких глаголов проблемы, аналогичной той, которую иллюстрируют предложения (17a–d), не возникает, как видно из (18a). Однако для делимитативов вопрос о разграничении мультипликативности и итеративности остается. Как показывает сравнение (18b) и (18c), оба эти предложения имеют множественную интерпретацию, и если мы хотим отнести (18b) к мультипликативам, требуется ввести эксплицитный критерий, объясняющий, почему этого же нельзя сделать с (18c):

- (18) a. *Маша сыграла эту сонату три дня.
b. Вася покашлял.
c. Маша поиграла эту сонату три дня {а потом ей надоело, и она стала разучивать другую}.

В языках типа английского, более того, итерация описываемой ситуации с одним и тем же набором участников, как кажется, не имеет даже тех ограничений, которые иллюстрируются русским предложением (18a), и при подходящих семантических

ких и/или прагматических условиях возможна для любого глагола в форме простого прошедшего, если только этот глагол не описывает невозобновляемую ситуацию типа 'умирать' или 'взрываться'.

Поэтому в настоящем исследовании для выделения мультипликативных глаголов был использован следующий практический прием: акциональное значение МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС признается у глагола в том случае, если интерпретация, предполагающая множественность событий, возникает в нулевом контексте – в отсутствии разнообразных обстоятельств (длительности, кратности и т.п.) и/или экстралингвистической информации, наводящей итеративность.

3. CASE STUDIES

В настоящем разделе излагаются результаты применения описанной выше процедуры к трем генетически независимым языкам – багвалинскому, карачаево-балкарскому и марийскому¹³. В каждом языке акциональные семантические ярлыки приписываются двум основным аспектуальным формам, Претериту и Презенсу. Основные акциональные классы, выделенные в этих языках, последовательно охарактеризованы в 3.1–3.8. Акциональные характеристики глаголов заключены в угловые скобки. Акциональные характеристики глагольных форм приводятся в фигурных скобках; сначала следует характеристика перфективной формы, затем – имперфективной формы. Например, если глаголу приписана акциональная характеристика <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}>, то это означает, что перфективные формы этого глагола описывают достижение предела (например, 'сесть'), а имперфективные имеют стативную интерпретацию (например, 'сидеть').

3.1. Сильные и слабые предельные глаголы

Два наиболее многочисленных акциональных класса – сильный предельный (<{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС}>) и слабый предельный <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}>, которые во всех языках составляют значительную часть – до половины – выборки.

У сильных предельных глаголов Претерит описывает ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, а Презенс – фрагмент ПРОЦЕССА, ведущего к возникновению этого состояния. Претериты в марийском, багвалинском и карачаево-балкарском языках представлены в (19), а Презенсы – в (20).

(19) a.	žanza	ḡēn-ḡ	b = eɕ'i.	БАГВАЛИНСКИЙ
	кувшин	вода-GEN	N = наполняться	
	<i>Кувшин наполнился водой.</i>			
b.	kerim	kitap-ni	stol-va	sal-vaŋ-di.
	Керим	книга-ACC	стол-DAT	класть-PFCT-3SG
	<i>Керим положил книгу на стол.</i>			

¹³ При исследовании акциональных классов для каждого из языков использовалась выборка из 120 глаголов, составленная на основе общего списка предикатных значений. В список вошли представители всех основных тематических групп таких значений – бытие и обладание, перемещение в пространстве, физические процессы и изменения, жизнедеятельность человека, трудовая деятельность, звуко- и речепроизводство, ментальная деятельность, восприятие и эмоции. В выборке были представлены глаголы с различной актантажной структурой – одноместные агентивные и неагентивные, двухместные с агенсом/пациентом и экспериенсером/стимулом и т.п.; кроме того, в нее были включены глагольные дериваты, например, для карачаево-балкарского языка – каузативы и декаузативы, – а также ряд отыменных глаголов.

c. jivan kol-ən.
Иван умирать-PST
Иван умер.

МАРИЙСКИЙ

В (19а–с) Претерит вводит в рассмотрение ситуации ‘умирать’, ‘наполняться’ и ‘класть’, которые достигают результирующего состояния ‘быть мертвым’ и ‘быть полным’ и ‘лежать на столе’.

В (20а–с) Презенс описывает соответствующие процессы, которые имеют место до наступления результирующего состояния.

- (20) a. žanza ĭĕn-ĭ b = eс'і-gā-X ek'a БАГВАЛИНСКИЙ
кувшин вода-GEN N=наполняться-IPFV-CONV AUX.PRS
Кувшин наполняется водой.
- b. kerim kitap-ni stol-ka sal-a-di. БАЛКАРСКИЙ
Керим книга-ACC стол-DAT класть-IPFV-3SG
Керим кладет книгу на стол.
- c. jivan kol-eš. МАРИЙСКИЙ
Иван умирать-IPFV
Иван умирает.

Слабые предельные глаголы отличаются от сильных предельных интерпретацией Претерита. Рассмотрим (21):

- (21) a. maHammad-i-g hunša b = eL'i. БАГВАЛИНСКИЙ
Магомед-OBL-ERG поле N = пахать
1. *Магомед вспахал поле.*
2. *Магомед попахал поле* {в течение какого-то времени}.
- b. kar eri-gen-di. БАЛКАРСКИЙ
снег таять-PFCT-3SG
1. *Снег растаял.*
2. *Снег таял* {в течение какого-то времени, а затем перестал}.
- c. pareŋge šüj-ən. МАРИЙСКИЙ
картошка гнить-PST
1. *Картошка сгнила.*
2. *Картошка гнила* {в течение какого-то времени, а затем перестала}.

(21с), например, как и (19а–с), допускает предельную интерпретацию – ‘сгнить’, которая предполагает, что процесс гниения достиг предела, и наступило результирующее состояние ‘картошка гнилая’. Однако (21с), в отличие от (19а–с), допускает и второе прочтение, при котором достижение результирующего состояния не утверждается; при такой интерпретации предложение лишь сообщает, что в течение некоторого времени картошка была охвачена гниением (которое затем прекратилось). Аналогично соотносятся и две интерпретации в (21а–б). Одна описывает ситуацию, достигающую результирующего состояния ‘поле вспахано’ и ‘снег находится в агрегатном состоянии воды’, вторая лишь сообщает, что в течение некоторого времени ситуация развивалась в направлении этого состояния – агент занимался вспахиванием в (21а), а снег таял в (21б).

Презенс слабых предельных глаголов, как и Презенс сильных предельных глаголов, описывает процесс на пути к результирующему состоянию – ‘картошка гниет’, ‘Магомед пашет поле’, ‘снег тает’.

Различие между сильными и слабыми предельными глаголами демонстрируется с помощью стандартных тестов на предельность, а именно, тестов на сочетаемость с обстоятельством длительности типа 'за два часа' и 'в течение двух часов'. Ср. (22a–b):

- (22) a. kar eki ijk eri-gen-di. БАЛКАРСКИЙ
 снег два неделя таять-PFCT-3SG
Снег таял две недели.
- b. kar eki ijk-xa eri-gen-di. БАЛКАРСКИЙ
 снег два неделя-DAT таять-PFCT-3SG
Снег растаял за две недели.

Слабый предельный глагол *eri* 'таять' сочетается с обоими обстоятельствами: (22a) имеет неопределенную, а (22b) – предельную интерпретацию.

В отличие от него, сильный предельный глагол *sal* 'класть' в Перфекте (как и другие сильные предельные глаголы из (19)) может описывать только ВХОЖДЕНИЕ в СОСТОЯНИЕ и, соответственно, сочетается только с обстоятельством 'за два часа'.

- (23) a. kerim eki minut-xa kitap-ni stol-ka sal-van-di. БАЛКАРСКИЙ
 Керим два минута-DAT книга-ACC стол-DAT класть-PFCT-3SG
Керим за две минуты положил книгу на стол {если стол труднодоступен}.
- b. *kerim eki minut kitap-ni stol-ka sal-van-di. БАЛКАРСКИЙ
 Керим два минута книга-ACC стол-DAT класть-PFCT-3SG
Керим две минуты клал книгу на стол {если стол труднодоступен}.

Неопределенное прочтение, которое должно было бы возникнуть в контексте обстоятельства 'в течение двух часов', для Перфекта глагола *sal* 'класть', как видно из (23b), невозможно.

Тот факт, что глаголы, которые традиционно объединяются в один класс вендеровых accomplishments, в действительности распадаются на два класса, имеет исключительную важность, особенно в свете того, что распределение глаголов по этим классам не произвольно, а подчиняется примечательным закономерностям. Как нам удалось установить (см. [Татевосов, в печати]), в татарском языке факторами, способствующими принадлежности глагола к слабому предельному классу, являются агентивность и инкрементальность¹⁴, тогда как их отсутствие влечет сильную предельность. В татарском языке все агентивные инкрементальные глаголы (например, 'есть', 'пахать') являются слабыми предельными – их перфективные формы могут иметь и предельное и неопределенное прочтение (с 'вспахал' vs. 'попахал'). Неагентивные неинкрементальные глаголы, напротив, никогда не попадают в слабый предельный класс.

Если принимать во внимание факты такого рода, необходимость последовательно разводить предельные глаголы разных типов по разным классам делается очевидной: только так мы можем увидеть важные межъязыковые закономерности, определяющие предельность и неопределенность глагола.

¹⁴ Инкрементальность – это такое свойство глагольного предиката, когда описываемое им событие находится в одно-однозначном соответствии с какой-то сущностью, задействованной в этом событии, например, с пациентивным аргументом. Инкрементальным, например, является предикат *есть яблоко*: чем дальше развивается ситуация 'есть яблоко', тем большая часть яблока в ней участвует. Аргументы типа *яблоко* в *съесть яблоко* Д. Даути предложил называть инкрементальной темой. Недавно Е.В. Падучева предложила удачный русский эквивалент термина "инкрементальная тема" – "накопитель эффекта". Для обозначения абстрактного понятия мы, однако, предпочли сохранить заимствованное слово "инкрементальность".

3.2. Инцептивно-стативные глаголы

У инцептивно-стативных глаголов имеется два характерологических свойства: имперфективные формы описывают СОСТОЯНИЕ, а перфективные – ВХОЖДЕНИЕ в СОСТОЯНИЕ. Как и предельные глаголы, инцептивно-стативные распадаются на два класса – сильные инцептивно-стативные глаголы и слабые инцептивно-стативные глаголы.

Слабые инцептивно-стативные глаголы <{ВХОЖДЕНИЕ в СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}> представлены во всех трех языках. Они напоминают слабые предельные тем, что их перфективные формы неоднозначны – кроме вхождения в состояние, они описывают также фрагмент результирующего состояния, ограниченный во времени:

(24) a.	ʔali	baɕ'-u-ɕ'	heri.	БАГВАЛИНСКИЙ	
	Али	волк-OBL-CONT	пугаться		
	1.	<i>Али испугался волка.</i>			
	2.	<i>Али боялся волка (в течение какого-то времени).</i>			
b.	kerim	fatima-ni	kör-gen-di	БАЛКАРСКИЙ	
	Керим	Фатима-ACC	видеть-PFCT-3SG		
	1.	<i>Керим увидел Фатиму.</i>			
	2.	<i>Керим видел Фатиму.</i>			
c.	jivan	tide	zadaɕa-m	uməl-ən.	МАРИЙСКИЙ
	Иван	этот	задача-ACC	понимать-PST	
	1.	<i>Иван понял эту задачу.</i>			
	2.	<i>Иван понимал эту задачу.</i>			

В (24а–с) в одной из интерпретаций в рассмотрение вводится изменение состояния партиципанта (соответственно, ‘испугался’, ‘увидел’ и ‘понял’). Во второй интерпретации предложения с перфективными формами описывают результирующее состояние в прошлом – ‘боялся’, ‘видел’, ‘понимал’.

Имперфективные формы слабых инцептивно-стативных глаголов описывают состояние. (25) иллюстрирует это для багвалинского языка; в прочих языках дело обстоит аналогичным образом:

(25)	ʔali	baɕ'-u-ɕ'	her-ā-X	eɕ' a.	БАГВАЛИНСКИЙ
	Али	волк-OBL-CONT	пугаться-IPFV-CONV	AUX.PRS	
	<i>Али боится волка.</i>				

Представители второго класса, класса сильных инцептивно-стативных глаголов <{ВХОЖДЕНИЕ в СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}>, отличаются от представителей слабого инцептивно-стативного класса так же, как сильные предельные глаголы отличаются от слабых предельных, – отсутствием неопредельной интерпретации у перфективных форм.

(26)	maHammad-i-ba	ʔali	hā.	БАГВАЛИНСКИЙ
	Магомед-OBL-AFF	Али	видеть	
	1.	<i>Магомед увидел Али.</i>		
	2.	<i>Магомед видел Али (в течение какого-то времени).</i>		

Как видно из (26), сильный инцептивно-стативный глагол *hā* ‘видеть’, в отличие, например, от слабого инцептивно-стативного глагола *heri* ‘бояться’ из (24а), не допускает в Претерите стативной интерпретации. Презенс глагола ‘видеть’, как и Презенс глагола ‘бояться’, описывает длящееся состояние – ‘видит (в данный момент)’.

В карачаево-балкарском и марийском языках сильных инцептивно-стативных глаголов не отмечено: в этих языках если Презенс инцептивно-стативных глаголов допу-

скает стативную интерпретацию, то такая же интерпретация доступна и для перфективных форм, по крайней мере, в качестве одной из возможностей.

Немногочисленной (по крайней мере, в исследованных нами языках), но важной разновидностью инцептивно-стативных глаголов являются глаголы с акциональной характеристикой <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС, СОСТОЯНИЕ}>. В этой характеристике представлены те же акциональные значения, что у слабых инцептивно-стативных, плюс еще одно дополнительное в Презенсе – значение ПРОЦЕСС. Это иллюстрируется предложением (27a–b) с Презенсом глагола *oltura* ‘сидеться, сидеть’ из карачаево-балкарского языка:

(27) a.	alim	oltur-kan-di.	БАЛКАРСКИЙ
	Алим	сидеть-PFCT-3SG	
	1. Алим сел.		
	2. Алим посидел.		
b.	alim	oltur-a-di.	БАЛКАРСКИЙ
	Алим	сидеть-ST.IPFV-3SG	
	1. Алим сидит.		
	2. Алим садится.		

Претерит, представленный в (27a), как и у слабых инцептивно-стативных глаголов, неоднозначен – в одной из интерпретаций он описывает состояние ‘сидеть’, а в другой – вхождение в это состояние – ‘сесть’. Презенс, как и у других разновидностей инцептивно-стативных глаголов, может описывать состояние ‘сидит’, но это не является единственно возможной интерпретацией. (27b) допускает и вторую, отсутствующую как и у сильных, так и у слабых инцептивно-стативных глаголов возможность: она может описывать процесс на пути к результирующему состоянию – ‘садиться’.

3.3. Непредельные и стативные глаголы

Класс непредельных глаголов <{ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}> объединяет лексические единицы, у которых основные аспектуальные формы однозначны и имеют акциональное значение ПРОЦЕСС, как иллюстрируется в (28)–(29):

(28) a.	o = j	gulli	išā.	БАГВАЛИНСКИЙ	
	этот = F	ругать	мы.EXCL.SUP.LAT		
		Она поругала нас.			
b.	kerim	kitap-ni	izle-gen-di.	БАЛКАРСКИЙ	
	Керим	книга-ACC	искать-PFCT-3SG		
		Керим искал книгу.			
c.	karne	əzg-en.		МАРИЙСКИЙ	
	муха	жужжать-PST			
		Муха пожужжала.			
(29) a.	o = j	gull-ā-X	ek' a	išā.	БАГВАЛИНСКИЙ
	этот = F	ругать-IPFV-CONV	AUX.PRS	мы.EXCL.SUP.LAT	
		Она ругает нас.			
b.	kerim	kitap-ni	izle-j-di.	БАЛКАРСКИЙ	
	Керим	книга-ACC	искать-IPFV-3SG		
		Керим ищет книгу.			
c.	karne	əzg-a.		МАРИЙСКИЙ	
	муха	жужжит-IPFV			
		Муха жужжит.			

Как Претерит в (28а–с), так и Презенс в (29а–с) описывают процесс, который не приводит к наступлению какого-либо результирующего состояния. В частности, Претерит неопределённых глаголов сигнализирует лишь, что описываемая ситуация (соответственно, ‘ругать’, ‘искать’ и ‘жужжать’) в некоторый момент возникла, а в некоторый другой прекратилась.

С т а т и в н ы е глаголы с акциональной характеристикой <{СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}> представлены в марийском и карачаево-балкарском языках. Как перфективные, так и имперфективные формы этих глаголов описывают СОСТОЯНИЕ:

(30) a.	kerim	nal'čik-ta	zaša-van-di.	БАЛКАРСКИЙ
	Керим	Нальчик-LOC	жить-PFCT-3SG	
	<i>Керим пожил в Нальчике.</i>			
b.	jivan	kij-en.		МАРИЙСКИЙ
	Иван	лежать-PST		
	<i>Иван полежал.</i>			
(31) a.	kerim	nal'čik-ta	zaša-j-di.	БАЛКАРСКИЙ
	Керим	Нальчик-LOC	жить-IPFV-3SG	
	<i>Керим живет в Нальчике.</i>			
b.	jivan	kij-a.		МАРИЙСКИЙ
	Иван	лежать-IPFV		
	<i>Иван лежит.</i>			

В багвалинском языке стативные глаголы не засвидетельствованы. Те глаголы, аналоги которых в других языках являются стативными, в багвалинском относятся к инцептивно-стативным классам. Например, перфективная форма глагола со значением ‘жить’ означает не только ‘пожил’, как в (31а), но и ‘поселился’. В багвалинском языке даже у глаголов, образованных от прилагательных со значением качества, например *berc'inab* ‘красивый’, которые во многих языках образуют ядро стативных предикатов, первое значение (т.е. значение, возникающее в нулевом контексте) – инхоативное ‘стать красивым’, а не стативное ‘быть красивым’.

3.4. Пунктивные глаголы

Пунктивные глаголы <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {-}> характеризуются тем, что их перфективные формы однозначно указывают на достижение предела, как у сильных предельных и сильных инцептивно-стативных глаголов:

(32) a.	maHammad-i-ba	as	b-is [̃] ā.	БАГВАЛИНСКИЙ
	Магомед-OBL-AFF	деньги	N-находить	
	<i>Магомед нашел деньги.</i>			
b.	alim	kitap-ni	tap-xan-di.	БАЛКАРСКИЙ
	Алим	книга-ACC	находить-PFCT-3SG	
	<i>Алим (уже) нашел книгу.</i>			
c.	jivan	oksa-m	mu-ən.	МАРИЙСКИЙ
	Иван	деньги-ACC	находить-PST	
	<i>Иван нашел деньги.</i>			

Пунктивные глаголы отличаются от сильных предельных тем, что их имперфективные формы не имеют актуально-длительного значения и могут интерпретироваться только хабитуально. Это видно из (33): в русском переводе глагол несовершенного вида *находить*, как и имперфективные формы соответствующих глаголов

в багвалинском, карачаево-балкарском и марийском языках, допускают только ха-
 битואльное прочтение ('находит регулярно'):

- (33) a. maHammad-i-ba as b-is-inā-X eK'a БАГВАЛИНСКИЙ
 Магомед-OBL-AFF деньги N-находить-IPFV-CONV AUX.PRS
Магомед находит деньги.
- b. alim kitap-ni tab-a-di. БАЛКАРСКИЙ
 Алим книга-ACC находить-IPFV-3SG
Алим (уже) находит книгу.
- c. jivan oksa-m mu-eš. МАРИЙСКИЙ
 Иван деньги-ACC находить-IPFV
Иван находит деньги.

Многие исследователи, в частности, [Comrie 1976] и [Падучева 1996], объясняют от-
 сутствие у Презенса глаголов типа 'находить' в (33) актуально-длительного значения
 характеристиками события 'найти': это событие устроено так, что переход в состоя-
 ние 'быть найденным' происходит мгновенно, и не существует такого момента, о ко-
 тором можно сказать, что в этот момент ситуация проходит фазу развития. Мы разде-
 ляем эту точку зрения с одним небольшим уточнением: пунктивность является не
 свойством ситуации, а свойством предиката, ее описывающего. Для грамматического
 поведения глаголов типа *находить* важны не свойства ситуации 'находить' в актуаль-
 ном мире, а то, как они "упакованы" в лексическое значение глагола. Эта упаковка во
 многих случаях достаточно произвольна и является предметом межъязыкового варь-
 рования – в противном случае тот факт, что в русском языке пара *приходить-прийти*
 является пунктивной (**в данный момент приходит*), а в английском нет (*^{OK}is coming*
now), был бы совершенно необъясним.

3.5. Мультипликативные глаголы

Мультипликативные глаголы <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, МУЛЬТИ-
 пликативный процесс}, {МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}> имеют неоднознач-
 ный Претерит и неоднозначный Презенс.

В Претерите мультипликативные глаголы описывают либо МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ
 ПРОЦЕСС, ограниченный во времени, либо единичный квант этого процесса, единичное
 ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ. Эти возможности иллюстрируются в (34а-с).

- (34) a. h-a-j Habdi. БАГВАЛИНСКИЙ
 собака лаять
 1. Собака гавкнула.
 2. Собака полаяла (в течение какого-то времени).
- b. su šöndü ak-wa-p-di. БАЛКАРСКИЙ
 вода сейчас капать-PFCT-3SG
 1. Вода капнула.
 2. Вода покапала.
- c. jivan tüčalt-en. МАРИЙСКИЙ
 Иван стрелять-PST
 1. Иван выстрелил.
 2. Иван пострелял.

Презенс глаголов типа 'капать' описывает МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС,
 см. (35):

- (35) su šöndü ak-a-di. БАЛКАРСКИЙ
 вода сейчас капать-IPFV-3SG
Вода сейчас капает.

Мультипликативные глаголы имеют много общего с пунктивными. Как те, так и другие в перфективных формах вводят в рассмотрение такую ситуацию, внутренние фазы которой не доступны для описания формами того же глагола. Например, (34с) с претеритом глагола ‘стрелять’ в семейфактивной интерпретации ‘выстрелил, стрельнул’ описывает почти мгновенное изменение состояния (где исходное состояние – это ‘пуля находится в гильзе’, а результирующее – ‘пуля покинула ствол’). Презенс этого глагола не может вводить в рассмотрение фрагмент ситуации, заключенный между исходным состоянием и результирующим, когда пуля движется вдоль ствола (в русском языке, видимо, такое значение выражает наряду с несколькими другими глагол *выстреливать*). Точно так же, у пунктивных глаголов, например, у ‘находить’ в (32), перфективная форма может описывать моментальное изменение состояния, но для имперфективной формы недоступна никакая промежуточная фаза этого изменения. Важнейшее отличие мультипликативных и пунктивных глаголов состоит в том, что первые, но не вторые допускают итерацию описываемой ситуации, создающую мультипликативное прочтение для обеих видовых форм. К акциональной характеристике каждой из аспектуальных форм пунктивного глагола прибавляет акциональное значение МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС, и пунктивный глагол вида <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {-}> превращается в мультипликативный <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}, {МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}>. В терминах семантики событий это обобщение можно было бы сформулировать следующим образом: в означаемое пунктивных глаголов входят только атомарные события, в означаемое мультипликативных глаголов входят также произвольные суммы этих событий (ср. [Rothstein 2004]).

3.6. Ингрессивно-непредельные глаголы

Ингрессивно-непредельные глаголы <{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}> ведут себя аналогично инцептивно-стативным: перфективные формы описывают достижение точки кульминации, а имперфективные – ситуацию, которая возникает после этого. Ингрессивно-непредельные глаголы, однако, описывают не ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ и результирующее СОСТОЯНИЕ, а ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС и результирующий ПРОЦЕСС. Перфективные формы ингрессивно-непредельных глаголов представлены в (36):

(36) a.	pat'imat	qarı.	БАГВАЛИНСКИЙ
	Патимат	плакать	
	1. <i>Патимат заплакала.</i>		
	2. <i>Патимат поплакала.</i>		
b.	su	qajna-van-di.	БАЛКАРСКИЙ
	вода	кипеть-PFCT-3SG	
	1. <i>Вода вскипела за две минуты.</i>		
	2. <i>Вода покипела две минуты.</i>		
c.	jivan	korgəkt-ən.	МАРИЙСКИЙ
	Иван	храпеть-PST	
	1. <i>Иван захрапел.</i>		
	2. <i>Иван похрапел.</i>		

В (36b), например, Претерит глагола ‘кипеть’ описывает достижение точки кульминации, в которой температура воды становится равной 100 градусам, после чего начинается процесс кипения. Сам процесс кипения, как видно из (36b.2), также входит в означаемое данной формы. Аналогичным образом, две интерпретации – ингрессивную и непредельную – имеют (36a) и (36c). В (36a) Претерит описывает возникновение процесса ‘плакать’ и фрагмент этого процесса, ограниченный во времени, а в (36c) аналогичные возможности реализуются для глагола ‘храпеть’.

Имперфективные формы этих же глаголов описывают процесс, который возникает после прохождения точки кульминации. Их интерпретации – соответственно ‘плачет’, ‘храпит’ и ‘летит’. Для экономии места приводим только пример из карачаево-балкарского языка:

(37) su	qajna-j-di.	БАЛКАРСКИЙ
вода	кипеть-IPFV-3SG	
<i>Вода кипит.</i>		

Нетрудно заметить, что акциональная характеристика ингрессивно-непредельных глаголов <{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}> соответствует акциональной характеристике слабых инцептивно-стативных глаголов – <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}> с точностью до различия между ярлыками СОСТОЯНИЕ и ПРОЦЕСС. В этом смысле о лексических единицах, представленных в (36)–(37), можно говорить как о слабых ингрессивно-непредельных. Естественный вопрос, возникающий в этой связи, – существуют ли сильные ингрессивно-непредельные глаголы с акциональной характеристикой <{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}>, у которой, по аналогии с сильными инцептивно-стативными глаголами, перфективная форма однозначна?

В трех языках, являющихся основным предметом рассмотрения в настоящей статье, таких глаголов не обнаружилось. В родственном карачаево-балкарскому татарском языке (см. [Татевосов, в печати]), однако, сильные ингрессивно-непредельные глаголы представлены:

(38) su	kajn-a-dʒ.	ТАТАРСКИЙ
вода	кипеть-ST-PST	
1. <i>Вода закипела.</i>		
2. <i>??Вода покипела.</i>		

По оценкам носителей мишарского диалекта татарского языка, с которыми мы работали, *kajnadʒ*, Претерит глагола ‘кипеть’, отличается от своего лексического эквивалента в карачаево-балкарском языке тем, что не допускает непредельной интерпретации, описывающей процесс кипения. Единственное доступное прочтение претерита – ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС.

Судить о том, насколько распространены в языках сильные ингрессивно-непредельные глаголы, однако, мы пока не беремся; во всяком случае, для описания акциональности в татарском языке выделение такого класса представляется необходимым.

Исследуя багвалинский язык, мы отметили и еще один класс – <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС_{исх}, ПРОЦЕСС_{рез}}>. Представителем этого класса является глагол *h'alli* ‘кипеть’, который по акциональным свойствам отличается от своих лексических эквивалентов из (36b) и (38). Презенс этого глагола представлен в (39):

(39) ʃ̣ẽ	h'all-ā-X	ek' a.	БАГВАЛИНСКИЙ
вода	кипеть-IPFV-CONV	AUX.PRS	
1. <i>Вода кипит.</i>			
2. <i>Вода закипает.</i>			

Как видно из (39), Презенс глагола *h'alli* ‘кипеть’, неоднозначен; он допускает две процессные интерпретации. При первой форма *h'all-ā-X ek' a*, как и форма *qajnajdi* в (37) из карачаево-балкарского языка, описывает результирующий процесс кипения, который возникает после достижения точки кульминации. Однако, в отличие от своего карачаево-балкарского двойника, багвалинский Презенс может описывать также исход-

ный процесс, который имеет место до точки кульминации, – это процесс закипания, когда температура нагреваемой жидкости приближается к отметке 100 градусов.

Претерит глагола *h-alli* ‘кипеть’ не имеет каких-либо особенностей по сравнению с Претеритом глаголов слабого ингрессивно-непредельного класса, представленных в (36). Как и *qajnavandi* в (36b), он может значить либо ‘закипел(а)’, либо ‘покипел(а)’; пример для экономии места не приводим.

Завершая этот раздел, отметим параллелизм глаголов с акциональной характеристикой <{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС_{исх}, ПРОЦЕСС_{рез}}>, аналогичных багвалинскому ‘кипеть’, и глаголов положения с характеристикой <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС, СОСТОЯНИЕ}>, обсуждавшихся как разновидность слабых инцептивно-стативных глаголов и проиллюстрированных в (27). Оба случая объединяет неоднозначность основных аспектуальных форм. Сходным оказывается и соотношение акциональных значений: и там и там обе аспектуальных формы описывают ситуацию, наступающую после точки кульминации (‘посидел’, ‘покипел’; ‘сидит’, ‘кипит’); кроме того перфективная форма описывает собственно достижение точки кульминации (‘сел’, ‘закипел’), а имперфективная – ПРОЦЕСС, предшествующий этому достижению (‘сидится’, ‘закипает’). Наконец, оба этих класса одинаково отличаются от соответствующих сильных и слабых классов – инцептивно-стативного и ингрессивно-непредельного.

3.7. Двупредельные глаголы

Крайне немногочисленный, но чрезвычайно типологически важный класс, который, насколько нам известно, до сих пор не упоминался в литературе, – класс д в у п р е д е л ь н ы х г л а г о л о в, которые могут описывать более одной точки кульминации. Этот класс отмечен только в исследованных нами тюркских языках (карачаево-балкарском, чувашском и татарском); и пока не был обнаружен за пределами этой языковой общности. Рассмотрим (40) с Претеритом глагола *zan* ‘гореть’ из карачаево-балкарского языка:

(40)	üj	zan- <i>van-di</i> .	БАЛКАРСКИЙ
	дом	гореть-PFCT-3SG	
	1. Дом загорелся.		
	2. Дом горел (какое-то время).		
	3. Дом сгорел.		

Акциональная характеристика Претерита, представленного в (40), содержит три ярыка – {ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС, ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}. (40.1) описывает возникновение процесса ‘гореть’, это первая точка кульминации; (40.2) вводит в рассмотрение фрагмент этого процесса, ограниченный во времени (‘погорел, горел в течение какого-то времени’); наконец, (40.3) сообщает, что процесс горения достиг второй точки кульминации, после которой имеет место результирующее состояние ‘дом уничтожен горением’.

Презенс глагола ‘гореть’ акционально однозначен: он вводит в рассмотрение процесс горения, который имеет место между первой и второй точками кульминации:

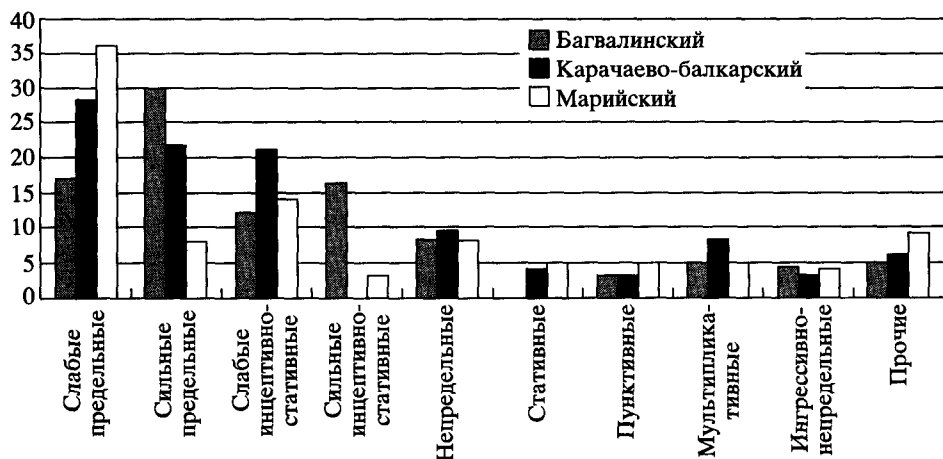
(41)	üj	zan-a-di.	БАЛКАРСКИЙ
	дом	гореть-IPFV-3SG	
	Дом горит.		

Можно заметить, что диапазон акциональных интерпретаций двупредельного глагола – это как бы объединение (слабого) ингрессивно-непредельного и (слабого) предельного глагола в единое целое. Акциональная характеристика ингрессивно-непредельного глагола включает указание на возникновение нового процесса, а у предельного глагола – на завершение процесса и появление нового состояния. Объединение того

и другого создает последовательность “ПРОЦЕСС₁ – ТОЧКА КУЛЬМИНАЦИИ₁ – ПРОЦЕСС₂ – ТОЧКА КУЛЬМИНАЦИИ₂ – СОСТОЯНИЕ” с двумя точками кульминации. Двупредельные глаголы крайне немногочисленны – видимо, именно из-за своей многозначности. Если говорить об этом в функциональных терминах, то следует признать, что здесь действует общий принцип, ограничивающий многозначность: существование большого числа лексических единиц с полисемией типа ‘загореться’ vs. ‘сгореть’ резко снизило бы информационную эффективность кода и потребовало бы от слушающего неоправданно больших усилий для его интерпретации.

3.8. Малые классы и глаголы с уникальными акциональными свойствами

Обсуждавшиеся выше акциональные классы, за исключением особо оговоренных случаев, представлены во всех трех описываемых языках, причем более или менее широко. Распределение данных классов в выборке (%) представлено на диаграмме.

Как видно из схемы, в каждом из языков представлено от 5 до 9 процентов глаголов, не входящих ни в один из охарактеризованных выше классов (рубрика “Прочие”). В большинстве случаев это изолированные единичные глаголы, реже двухглагольные классы.

В багвалинском языке, например, это глагол *b = uk'a* ‘быть’ с акциональной характеристикой <{СОСТОЯНИЕ}, {-}>. Это единственный глагол, который в Претерите описывает только СОСТОЯНИЕ. В класс стативных глаголов он, однако, не входит: его Презенс имеет только хабитуальную интерпретацию – ‘бывает’ и не имеет актуально-длительной ‘есть’.

В карачаево-балкарском языке глагол *bolva* ‘махать’ <{МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}, {МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}> отличается от своих ближайших “родственников”, глаголов мультипликативного класса, отсутствием семейфактивной интерпретации. Претерита – обе аспектуальные формы допускают только мультипликативное прочтение – ‘машет’ и ‘помахал’, но не ‘махнул’¹⁵.

В марийском языке глагол *jöraš* ‘гаснуть’ имеет редкую акциональную характеристику <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ, МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}, {ПРО-

¹⁵ Строго говоря, было бы естественно называть мультипликативными именно глаголы типа карачаево-балкарского ‘махать’, которые допускают только мультипликативную интерпретацию. Такие глаголы, однако, отличаются предельной типологической экзотичностью. Статистически абсолютно преобладающий тип мультипликативных глаголов – такой, который допускает у перфективных форм не только мультипликативную, но и семейфактивную интерпретацию.

ЦЕСС}>. Претерит этого глагола имеет три интерпретации – ‘погас’, ‘был погасшим’ и ‘гас и снова зажигался’, а Презенс одну – ‘гаснет’.

Каждый из случаев такого рода представляет определенный интерес с точки зрения того, как выглядит в свете акциональности возможный глагол в естественном языке. Тем не менее, уникальность и невоспроизводимость изолированных глаголов (по крайней мере, по текущим данным) делает невозможным построение типологических обобщений и объяснений. Более того, если, например, *jöraʃ* ‘гаснуть’ – это изолированный факт марийского языка, нигде больше не повторяющийся, то таких объяснений и не требуется. Если же нет, то закономерности, управляющие семантикой таких глаголов, еще только предстоит найти.

4. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Завершить эту статью мы бы хотели коротким замечанием о том, как все вышеизложенное применимо к описанию акциональности и вида в русском языке и в других языках с деривационным видом. (Точка зрения, согласно которой русский относится именно к этому типу языков, как кажется, является преобладающей, хотя, конечно, не единственно возможной, см. обсуждение в [Перцов 1998]; другим, вероятно, значительно более ярким примером языка с деривационным видом является ненецкий, см. [Дудчук 2004; Шлуинский 2004]). В языках типа английского, латинского, багвалинского или карачаево-балкарского глагольная основа реализует весь свой аспектуальный потенциал в у т р и лексемы – аспектуальные значения перфективной и имперфективной сферы противопоставляются ее словоформами. Соответственно, среди таких словоформ мы можем выбрать основную перфективную и основную имперфективную, исследовать их акциональные свойства и дать лексеме в целом акциональную характеристику – как и предлагается в настоящей статье. В таких языках деривационная морфология создает новые лексемы, которые отличаются от производящих не набором аспектуальных (в узком смысле) свойств, а неаспектуальными компонентами лексического значения – различие производных и производящих лексем никогда не связано с противопоставлением перфективности/имперфективности.

Иначе обстоит дело в языках с деривационным видом. Сумма значений, которая в английском языке описывается формами одной лексемы, например, *build* ‘строить’ (*is building* и *built*), в русском языке распределена по разным лексемам – *построить* и *строить*. На том основании, что *is building* имеет значение ПРОЦЕСС, а *built* – значение ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, мы относим глагольную лексему *build* к классу сильных предельных – <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС}>. В русском языке *построил* и *строил* имеют такие же акциональные значения, но какому лингвистическому объекту можно было бы приписать характеристику <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС}>, если *построить* и *строить* являются разными лексемами? Акциональная характеристика отдельно взятого русского глагола любого вида – это в подавляющем большинстве случаев ровно половина характеристики соответствующего глагола в языках со словоизменительным видом. Это означает, что описанная выше процедура к языкам типа русского неприменима. Как обойти эту сложность и как добиться того, что данные об акциональных свойствах глаголов в языках с деривационным видом были сопоставимы с аналогичными данными для языков со словоизменительным видом? Способ выделения акциональных классов придется видоизменить. Как именно, мы постараемся вскоре показать.

Вернемся к тому, с чего мы начали настоящую статью – к проблеме построения общей теории аспектуальности и актантной структуры. Чтобы объяснить эту связь, надо понять, как в точности взаимодействуют аргументы и акциональные свойства. Некоторые впечатляющие успехи на этом пути уже достигнуты [Dowty 1979; Tenny 1994; Krifka 1998; Kratzer 2002; 2003; Ramchand 2003; 2004]. Однако много еще предстоит сделать. Настоящая статья, хочется надеяться, позволяет решить вспомогательную, но важную задачу: предложить способ создания межъязыковой акциональной

классификации, которая позволила бы сделать видимыми межъязыковые закономерности, касающиеся распределения глаголов по классам. Следующий шаг – исследование и объяснение этих закономерностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булыгина 1982 – Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // О.Н. Селиверстова (ред.). Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Дудчук 2004 – Ф.И. Дудчук. Вопросы глагольного вида в ненецком языке. Технический отчет № 04–07 ненецкой лингвистической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2004.
- Маслов 1948 – Ю.С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН СЛЯ. 1948. № 4.
- Недялков 1987 – В.П. Недялков. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Недялков, Яхонтов 1983 – В.П. Недялков, С.Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Перцов 1998 – Н.В. Перцов. Русский вид: словоизменение или словообразования? // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Смит 1998 – К.С. Смит. Двухкомпонентная теория вида // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Татевосов (в печати) – С.Г. Татевосов. Вид и акциональность // Е.А. Лютикова, К.И. Казенин, В.Д. Соловьев, С.Г. Татевосов (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань (в печати).
- Храковский 1986 – В.С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций (опыт классификации) // ИАН СЛЯ. № 2. 1986.
- Храковский 1989 – В.С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В.С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
- Шлуинский 2004 – А.Б. Шлуинский. Аспектуальная деривация в малоземельском говоре тундрового диалекта ненецкого языка. Технический отчет № 04–05 Ненецкой лингвистической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2004.
- Bach 1981 – E. Bach. On time, tense, and aspect: An essay in English metaphysics // P. Cole (ed.). *Radical Pragmatics*, 62–81. New York, 1981.
- Bach 1986 – E. Bach. The algebra of events // *Linguistics and philosophy*. № 9. 1986.
- Bache 1985 – C. Bache. Verbal aspect: A general theory and its application to present-day English. Odense, 1985.
- Bache 1995a – C. Bache. The study of aspect, tense and action: Toward a theory of the semantics of grammatical categories. Frankfurt-am-Main, 1995.
- Bache 1995b – C. Bache. Another look at the distinction between aspect and action // P.M. Bertinetto, V. Bianchi, Ö. Dahl, M. Squartini (eds.). *Temporal reference, aspect, and actionality*. V. 1. Torino, 1995.
- Bache et al. (eds.) 1994 – C. Bache, H. Basbøll, C.-E. Lindberg (eds.). *Tense, aspect and action: empirical and theoretical contributions to language typology*. Berlin, 1994.
- Bennett, Partee 1978 – M. Bennett, B. Partee. *Toward the logic of tense and aspect in English*. Bloomington, 1978.
- Bergsland 1994 – K. Bergsland. Aleut tenses and aspects // C. Bache, H. Basbøll, C.-E. Lindberg (eds.). *Tense, aspect and action: empirical and theoretical contributions to language typology*. Berlin, 1994.
- Bertinetto 1986 – P.M. Bertinetto. Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano: Il sistema dell'indicative. Firenze, 1986.
- Bertinetto 1994 – P.M. Bertinetto. Temporal reference, aspect, and actionality: Their neutralization and interactions, mostly exemplified in Italian // C. Bache, H. Basbøll, C.-E. Lindberg (eds.). *Tense, aspect and action: empirical and theoretical contributions to language typology*. Berlin, 1994.
- Bertinetto, Delfitto 2000 – P.M. Bertinetto, D. Delfitto. Aspect vs. actionality: Why they should be kept apart // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin, 2000.
- Bhat 1999 – D.N.S. Bhat. The prominence of tense, aspect, and mood. Amsterdam, 1999.

- Breu 1994 – W. Breu. Interactions between lexical, temporal, and aspectual meanings // *Studies in language*. № 18. 1994.
- Breu 1996 – W. Breu. Komponentenmodell der Interaktion von Lexik und Aspekt // W. Girke (ed.). *Slavistische Linguistik* 1995. München, 1996.
- Bybee 1985 – J.L. Bybee. *Morphology: a study of the relation between meaning and form*. Amsterdam, 1985.
- Bybee et al. 1994 – J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The evolution of grammar. Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago; London, 1994.
- Bybee, Dahl 1989 – J.L. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in language*. № 13. 1989.
- Chung, Timberlake 1985 – S. Chung, A. Timberlake. Tense, aspect, and mood // T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. V. 3. Cambridge, 1985.
- Comrie 1976 – B. Comrie. *Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge, 1976.
- Dahl 1981 – Ö. Dahl. On the definition of the telic-atelic (bounded-unbounded) distinction // Tedeschi, Zaenen (eds.). 1981.
- Dahl 1985 – Ö. Dahl. *Tense and aspect systems*. Oxford, 1985.
- Dahl 2000 – Ö. Dahl. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin, 2000.
- Desclés, Guentchéva 1995 – J.-P. Desclés, Z. Guentchéva. Is the notion of process necessary? // P.M. Bertinetto, V. Bianchi, Ö. Dahl, M. Squartini (eds.). *Temporal reference, aspect, and actionality*. V. 1. Torino, 1995.
- Dik 1989 – S. Dik. *The theory of functional grammar*. V. 1: The structure of the clause. Dordrecht, 1989.
- Dik 1994 – S. Dik. Verbal semantics in functional grammar // C. Bache, H. Basbøll, C.-E. Lindberg (eds.). *Tense, aspect and action: empirical and theoretical contributions to language typology*. Berlin, 1994.
- Dolinina 1999 – I.B. Dolinina. Distributivity: more than aspect // W. Abraham, L. Kulikov (eds.). *Tense-aspect, transitivity, and causativity: essays in honor of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam, 1999.
- Dowty 1979 – D.R. Dowty. Word meaning and Montague grammar. The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht, 1979.
- Dowty 1991 – D.R. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. V. 67. 1991.
- Durst-Andersen 1992 – P. Durst-Andersen. *Mental grammar. Russian aspect and related issues*. Ohio, 1992.
- Durst-Andersen 2000 – P. Durst-Andersen. The English progressive as picture description // *Acta linguistica Hafniensia*. № 32. 2000.
- Ebert 1995 – K. Ebert. Ambiguous perfect-progressive forms across languages // P.M. Bertinetto, V. Bianchi, Ö. Dahl, M. Squartini (eds.). *Temporal reference, aspect, and actionality*. V. 2. Torino, 1995.
- Filip 1994 – H. Filip. Aspect and the semantics of noun phrases // C. Vet, C. Veters (eds.). *Tense and aspect in discourse*. Berlin; New York, 1994.
- Filip 1997 – H. Filip. Integrating telicity, aspect, and NP semantics: The role of thematic structure // J. Toman (ed.). *Formal approaches to Slavic linguistics*. V. III. Ann Arbor, 1997.
- Filip 1999 – H. Filip. *Aspect, eventuality types and noun phrase semantics*. New York, 1999.
- Hale, Keyser 1993 – K. Hale, S.J. Keyser. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations // K. Hale, S.J. Keyser (eds.). *The view from building 20*, Cambridge (Mass.), 1993.
- Johanson 1996 – L. Johanson. Terminality operators and their hierarchical status // B. Devriendt, L. Goossens, J. van der Auwera (eds.). *Complex structures: a functionalist perspective*. Berlin; New York, 1996.
- Katz 1995 – G. Katz. *Stativity, genericity, and temporal reference*. Ph.D. Dissertation. University of Rochester, 1995.
- Klein 1995 – W. Klein. A time-relational analysis of Russian aspect // *Language*. № 71. 1995.
- Kratzer 2000 – A. Kratzer. Building statives // *Berkeley linguistic society*. № 26. 2000.
- Kratzer 2002 – A. Kratzer. Telicity and the meaning of objective case. Ms. University of Massachusetts, Amherst, 2002.
- Kratzer 2003 – A. Kratzer. The event argument. Ms. University of Massachusetts, Amherst; www.semanticsarchive.net, 2003.
- Krifka 1989 – M. Krifka. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Erme Boas (eds.). *Semantics and contextual expression*. Dordrecht, 1989.

- Krifka 1992 – *M. Krifka*. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // I. Sag, A. Szabolcsi (eds.). *Lexical matters*. Stanford, 1992.
- Krifka 1998 – *M. Krifka*. The origins of telicity // S. Rothstein (ed.). *Events and grammar*. Dordrecht, 1998.
- Krifka 2001 – *M. Krifka*. The mereological approach to aspectual composition. Paper presented at the perspectives on aspect. University of Utrecht, 2001.
- Krifka et al. 1995 – *M. Krifka, F.J. Pelletier, G.N. Carlson, A. ter Meulen, G. Link, G. Chierchia*. Genericity: An introduction // G. Carlson, F.J. Pelletier (eds.). *The generic book*. Chicago; London, 1995.
- Lenci 1995 – *A. Lenci*. The semantic representation of non-quantificational habituals // P.M. Bertinetto, V. Bianchi, Ö. Dahl, M. Squartini (eds.) *Temporal reference, aspect, and actionality*. V. 1. Torino, 1995.
- Lyons 1977 – *J. Lyons*. *Semantics*. Cambridge, 1977.
- Moens 1987 – *M. Moens*. Tense, aspect, and temporal reference. Ph.D. dissertation, University of Edinburgh, 1987.
- Moens, Steedman 1988 – *M. Moens, M. Steedman*. Temporal ontology and temporal reference // *Computational linguistics*. № 14. 1988.
- Mourelatos 1978 – *A.P. Mourelatos*. Events, processes, and states // *Linguistics and philosophy*. № 2. 1978.
- Mourelatos 1981 – *A.P. Mourelatos*. Events, processes, and states // *Tedeschi, Zaenen* (eds.). 1981.
- Paducheva 1995 – *E.V. Paducheva*. Taxonomic categories and semantic of aspectual opposition // P.M. Bertinetto, V. Bianchi, Ö. Dahl, M. Squartini (eds.). *Temporal reference, aspect, and actionality*. V. 1. Torino, 1995.
- Parsons 1990 – *T. Parsons*. *Events in the semantics of English*. Cambridge (Mass.), 1990.
- Ramchand 2003 – *G. Ramchand*. First phase syntax. Ms. University of Oxford, 2003.
- Ramchand 2004 – *G. Ramchand*. Aktionsart, L-syntax and selection // H. Verkuyl, H. de Swart (eds.). *Perspectives on aspect*. Dordrecht, 2004.
- Rothstein 2004 – *S. Rothstein*. *Structuring events: a study in the semantics of lexical aspect*. Oxford, 2004.
- Ryle 1949 – *G. Ryle*. *The concept of mind*. London, 1949.
- Smith 1983 – *C.S. Smith*. A theory of aspectual choice // *Language*. V. 59. 1983.
- Smith 1991 – *C.S. Smith*. The parameter of aspect. Dordrecht, 1991.
- Smith 1995 – *C.S. Smith*. The range of aspectual situation types: derived categories and a bounding paradox // P.M. Bertinetto, V. Bianchi, Ö. Dahl, M. Squartini (eds.). *Temporal reference, aspect, and actionality*. V. 2. Torino, 1995.
- Smith 1996 – *C.S. Smith*. Aspectual categories in Navajo // *International journal of American linguistics*. № 626. 1996.
- Smith 1999 – *C.S. Smith*. Activities: Events or states? // *Linguistics and philosophy*. № 22. 1999.
- Taylor 1977 – *B. Taylor*. Tense and continuity // *Linguistics and philosophy*. № 1. 1977.
- Tenny 1994 – *C. Tenny*. Aspectual roles and the syntax-semantics interface. Dordrecht, 1994.
- Vendler 1957 – *Z. Vendler*. *Verbs and times* // *The philosophical review*. № 66. 1957.
- Vendler 1967 – *Z. Vendler*. *Linguistics in philosophy*. Cornell, 1967.
- Verkuyl 1972 – *H.J. Verkuyl*. On the compositional nature of the aspects. Dordrecht, 1972.
- Verkuyl 1989 – *H.J. Verkuyl*. Aspectual classes and aspectual composition // *Linguistics and philosophy*. № 12. 1989.
- Verkuyl 1993 – *H.J. Verkuyl*. *A theory of aspectuality. The interaction between temporal and atemporal structure*. Cambridge, 1993.
- Verkuyl 1999 – *H.J. Verkuyl*. *Aspectual Issues. Studies in time and quantity*. Stanford, 1999.
- Vikner 1994 – *C. Vikner*. Change in homogeneity in verbal and nominal reference // C. Bachel, H. Basbøll, C.-E. Lindberg (eds.). *Tense, aspect and action: empirical and theoretical contributions to language typology*. Berlin, 1994.
- Zucchi 1999 – *A. Zucchi*. Incomplete events, intensionality and perfective aspect // *Natural language semantics*. № 7. 1999.